

К 84(2Рос=Рус)6
Д 46

Светлана Динисламова

Мы есть...

Динисламова С. С.

Мы есть...

Стихотворения, рассказы

Ханты-Мансийск

2011

-0149551-

Государственная
библиотека
Югры

КО

УДК 821.161.1
ББК К84(2Рос=Рус)6
Д 46

Книга издана при финансовой поддержке Т. С. Гоголевой – депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Динисламова С. С.

Д 46 Мы есть...: Стихотворения, рассказы / С. С. Динисламова ; предисл. В. Б. Орлова. – Ханты-Мансийск : ООО «Доминус», 2011. – 128 с.

Светлана Динисламова – автор книг на мансийском языке «Витсам» (2004), «Лавим лёнгханув» (2007), монографий «Творчество Ювана Шесталова» (2007), «Семантика традиционной культуры в эпических песнях народа манси» (2011), книги-альбома «Генеалогическое древо. Допиши свою историю» (2011), книги для детей «Уринэква» (2011).

Автор благодарит Татьяну Степановну Гоголеву за помощь в издании первого русскоязычного сборника, Николая Ивановича Коняева – за внимательное прочтение рукописи, Вадима Борисовича Орлова – за редакторскую правку и добрые напутственные слова.

В оформлении книги использованы графические работы автора. Предисловие В. Б. Орлова.

УДК 821.161.1
ББК К84(2Рос=Рус)6

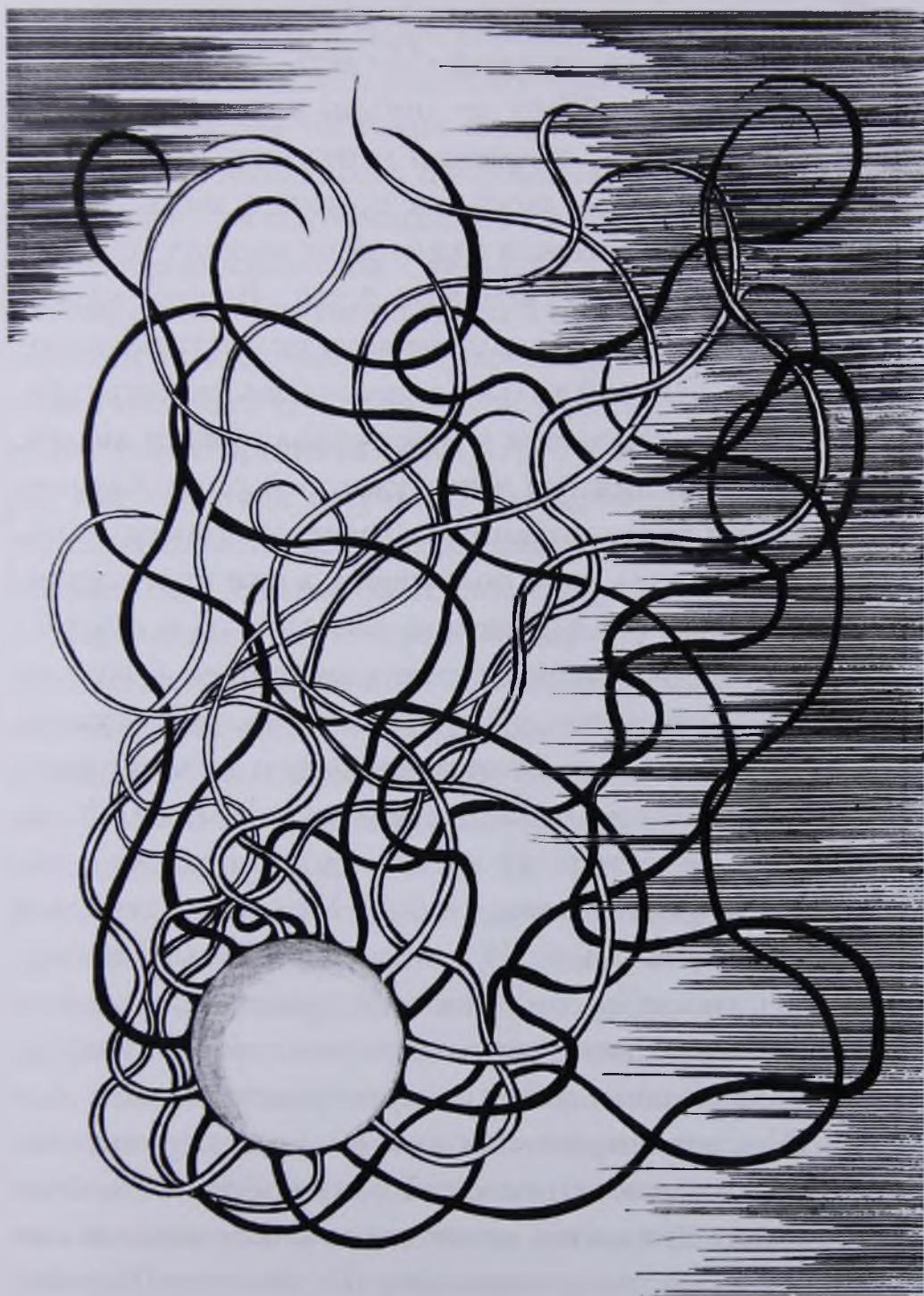
© Динисламова С. С., 2011
© ООО «Доминус», издание, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

«Моя неизлечимая болезнь – душа...»	
Предисловие В. Орлова	6
«Мама» (рассказ).....	13
«Летняя пора» (рассказ).....	21
«Полина» (рассказ).....	33
«О, Сосьва! Колыбель моя!»	
или письмо с того света (рассказ).....	41
«Мы есть...» (рассказ).....	47
«Я хочу домой» (рассказ).....	72
«Автобус» (рассказ)	79
«Сказ о Большом Человеке» (рассказ)	86
СТИХОТВОРЕНИЯ на русском языке.....	91
«Моя неизлечимая болезнь – душа...»	93
«С крылом перебитым в предзимнем пруду...»	94
«Загрустило вдруг сердце мое...».....	95
«Все льют и льют осенние дожди...».....	96
«Я так устала от тоски...».....	97
«За больничным окном темнота...».....	98
«Где же радости этой жизни...»	99
«Пусть голос мой уже не так звучит...».....	100
«Я знаю, это что-то непонятное...».....	101
«Прости, мой Бог, за грусть мою...»	102
«На земле мне тоскливо и больно...».....	103
«Я хотела бы родиться маленькою птичкой...».....	104
«До головокружения вдыхаю...».....	105
«Ночь за окном, за окном темнота...».....	106
«Я устала, отчего – не знаю...».....	107
«Ночь морозная, звезды в печали ...»	108
«Золотая осень – желтый цвет...».....	109
«Стая волчья меня окружила...».....	110
«Мое детство было словно сказка...».....	111

СТИХОТВОРЕНИЯ на мансийском языке

в переводе В. Широкова	113
«Татьяна Романовна».....	115
«В далёком посёлке Сосьва я сделала первый вдох...»	117
«Не осталось вовсе слёз...».....	118
«Наша жизнь».....	120
«Куринька»	121
«Как-нибудь проживем»	122
«Светлый день»	123
«Осень»	124
«Крылатой птицы зоркими глазами...»	125
«Ворона, с чёрными крылами...».....	126

«МОЯ НЕИЗЛЕЧИМАЯ БОЛЕЗНЬ — ДУША...»

Передо мной — уже прочитанная книга стихов и прозы Светланы Динисламовой «Мы есть...». Мне в какой-то мере повезло... Хотя не люблю я словосочетание «мне повезло». Есть в везении нечто безрассудное, от русского «авось»: авось бог поможет, авось пронесет. Считаю, что надежда с мечтой не вызовут усмешек лишь тогда, когда труд венчают. А так... Везение нередко выступает антиподом вдумчивому целеустремленному труду, за который только и начинаешь уважать себя, родителей, воспитавших в тебе трудолюбие, и людей, не рассчитывающих на незаслуженный успех. Однако есть в жизни такие ситуации (встречи, например), о которых и не мечтал, и не подозревал, а они произошли, и ты искренне, без ханжеского благочестия и ощущения чувства стыда перед менее удачливыми братьями и сестрами считаешь, что тебе повезло, ибо встречи эти тебя радуют, согревают и укрепляют желание быть полезным этой земле и живущим на ней людям. К таким людям, встретиться с которыми мне повезло, я отношу Ювана Шесталова, Любовь Миляеву, а теперь и Светлану Динисламову. И в этом случае, если я сказал, что мне повезло, думаю, никто не проникнется ко мне завистью — чувством, являющимся, на мой взгляд, не менее сильным и не менее распространенным, чем любовь. Ведь особенностью слова (а люди, перечисленные мною, являются, прежде всего, мастерами по облечению мыслей в слова) является то, что словом можно делиться, нужно делиться и хочется делиться. Так что, уважаемый читатель, нам всем повезло.

Светлану Динисламову новичком в литературе не назовешь. Ее стихотворения опубликованы в периодической печати и коллективных сборниках, изданных на русском языке. Более того, несколько лет назад увидели свет два сборника стихотворений: один – на мансийском языке «Витсам» («Капелька воды»), другой «Vizcsepp» – на венгерском. В то же время сложившимся мастером сама себя Светлана Силиверстовна пока еще не считает, потому что, хотя и является дважды матерью и дважды бабушкой, постоянно учится. Это выгодно отличает ее от многих других литераторов. Она свято чтит старших по возрасту, очень скучает по своей, уже ушедшей в лучший из миров, маме, постоянно переосмысливает материнское наследие, вдумчиво вбирает богатейший опыт своего народа.

Нацеленность на литературную учебу выразилась в ее кандидатской диссертации и монографии, которые посвящены творчеству классика мансийской литературы – великого Ювана Шесталова (я бы сказал, Ювана Великого). И, во-вторых, Светлана без какой-либо натяжки ослепительно молода душой. Ее поистине детско-подростковое мироощущение видно в ее рассказах «Мама» и особенно – «Летняя пора»: «Проводив отца – оттолкнув от берега его лодку, мы с мамой отправились собирать смородину... Куст смородины... радостно отдает свой урожай, ведь его ветви, когда мы собираем ягоды, освобождаются от тяжелой ноши, и куст выпрямляется. Человек, наполняя свой берестяной туесок – совтик, тоже радуется, ведь ягоды полезные и вкусные... Так я думаю, торопливо собирая смородину. Торопливость у нас от мамы. Рядом с ней невозможно делать что-то медленно...»

Главное, что удивляет в творчестве Динисламовой – это доскональное знание патриархального поселкового уклада жизни, жизни своих сородичей – народа манси. Автор в рассказе «Мы есть...» тонко подмечает мельчайшие детали: «...местечко, называемое русскими “Культбаза” для манси звучало “Кульбаза”, и они боялись нового поселка, построенного в местах, где им нельзя ступать. Они знали, что в далеком прошлом ... в реке жил Куль – властелин мира мертвых, он насылал болезни и смерть. Там, где жил Куль, вода кружилась и пенилась, водовороты затягивали в себя даже лодки. Этот участок реки люди преодолевали со страхом и трепетом, подносили дань духу. Однажды, пожалев людей, с самого высокого неба спустилась птица Корса и схватила Куля. Она понесла его вдаль от реки, но он был тяжел и огромен, его хвост волочился по земле. Куль извивался, изворачивался и вскоре упал на землю. Там, где он упал, появилось озеро – Куль тур, а где волочился хвост – речка, несущая свои воды из озера в реку. Много веков прошло, но вода в реке по-прежнему кружится и пенится...»

В приведенном отрывке поражает не только описание народного предания, но и взаимодействие мансийской мифологемы и совдеповской традиции сокращения слов и их соединения (как демонстрация динамики пост-революционной жизни в СССР). Автор без давления на читателя в форме летописной констатации показывает как бездумное, легковесное отношение пришельцев с чуждой культурой и чуждым укладом жизни приводит к насильственно-произвольной утрате сигнификативного значения мифологемы и замене его в «официальном»

сознании (слава богу, что хоть не в обыденном) на минимално ценное сокращение («культбаза»).

Еще большее впечатление на меня, как на человека, чей род подвергался физическому и интеллектуальному уничтожению на протяжении всего прошлого века (да и сейчас времена не намного лучше), произвела судьба одного из родственников С. Динисламовой – Савелия, расстрелянного 21 января 1938 года. Эта судьба ярко, образно показана в уже упоминавшемся рассказе «Мы есть...» Для рассказа была избрана неожиданная фабула. Мистические вкрапления не являются данью моде, а релевантны и органично встроены в ткань повествования. Мистическое начало, прослеживающееся в тексте рассказа, не выглядит фантасмагоричным. А узнаваемость описанных в рассказе расстрельных мест в Ханты-Мансийске дает полное ощущение присутствия. Прочитав этот рассказ, узнаешь, что некоторые новые городские постройки «украсили» город на месте массовых расстрелов политзаключенных, произведенных в 30-е годы. Век на дворе новый, а отношение к невинно убиенным – прежнее. Как тут ассоциативно не вспомнишь «культбаза» и «кульбаза», «Куль тур» и «культура»... Как узнаваемо! Как символично! До горьких слез...

Конечно, Светлане, если хочет совершенствоваться, а она хочет, предстоит большая и многотрудная работа над словом, стилем и другими компонентами рассказчика, но ясно одно: перед нами незаурядная, неординарная, творческая личность.

Что касается стихотворной части сборника, то мне доставляет большое удовольствие чтение стихов С. Динисламовой:

Ночь морозная, звезды в печали,
Лишь луна освещает мой путь.
И олени в упряжке устали,
Им давно бы пора отдохнуть.

Скрип полозьев стремительным звуком
Дополняется дробью копыт...
Горизонт окружив полукругом,
Он всё дальше и дальше манит...

(2000 г.)

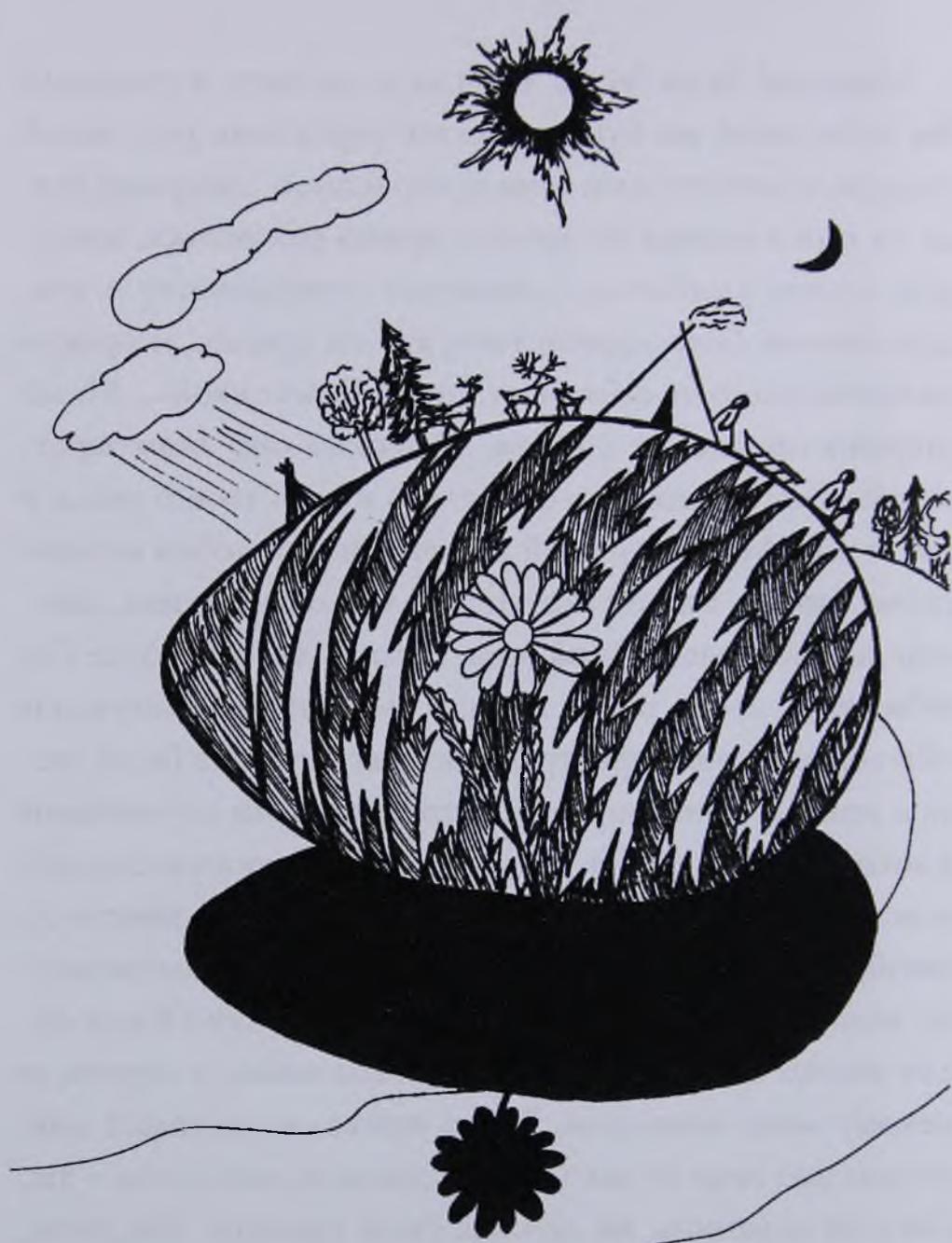
Ведь, правда, хорошо? Хорошо! Так могла написать только истинная северянка. Что пожелать писателю? Так держать, Светлана Селиверстовна Динисламова! Пусть воздается тебе по трудам твоим многие, многие лета.

*Вадим Орлов,
поэт, член Союза российских писателей,
доктор педагогических наук, профессор,
почетный работник
высшего профессионального образования*

РАССКАЗЫ

МАМА

Мамочка! Если бы ты жила на этом свете, я подарила бы тебе такой же букет красных бархатных роз, какой подарили мне сегодня. Они прекрасны, и, наверное, глядя на них и вдыхая их аромат, нужно радоваться, наверное, нужно улыбаться, удивляться совершенству и красоте цветов, благодарить того, кто их принес, и просто на время ощутить себя счастливой. Счастливой... Мной утеряно ощущение счастья. Однажды оно безвозвратно покинуло меня. Это случилось в день твоего ухода в иной мир. Момент нашей разлуки был подобен вселенскому взрыву, а затем наступила зловещая тишина, давящая и угнетающая. Мой крик безысходности: «Мне без тебя пусто, пусто, пусто...» вяз в омерзительно тягучем и обволакивающем пространстве, в котором не было света и тепла... С тех пор я несчастна, и моими спутницами в жизни стали тревога, обида и тоска. Тревога вселилась в меня основательно, она просыпается утром вместе со мной, с моей первой мыслью: «Все ли мои родственники живы, здоровы, все ли в мире спокойно?» Обида сидит комом в горле: «У меня не стало мамы, я сирота, и некому меня пожалеть». Тоска приходит на закате дня: устремляю взор на заходящее солнце и лью слезы — ты, Светлая женщина, не должна была уходить. Мы, твои, уже взрослые дети, не готовы жить без тебя, милой, родной, единственной. В один миг мы стали все другими: растерявшимися, жалкими, одинокими.

Прошло уже десять лет, то ли долгих, то ли пролетевших как один день. Словно вчера на наших бескрайних покосах звучал твой веселый голос, словно вчера мы, устав от работы, начинали с надеждой поглядывать на тебя: когда же ты отложишь в сторону косу-литовку и пойдешь к костру готовить обед. Помню каждое движение: вот ты доводишь ряд до конца поля, берешь свежескошенной пучок травы и аккуратно обтираешь им лезвие косы, затем прислоняешь косу к дереву и, наконец-то, направляешься в сторону костра. С этого момента в нас, казалось бы, открывалось второе дыхание: начинали быстро и без усталости косить. Знали, что очень скоро ты помашешь нам платком, и мы, радостные и счастливые, побросав косы, наперегонки будем бежать к тебе. Словно вчера мы сидели у костра, ели наваристую уху, слушали твои добрые наставления, наслаждались покоем и безмятежностью. Словно вчера...

А сегодня кедру, родившемуся на могильном холмике в год твоего ухода, уже десятый год. Он подрос, чуть окреп, но все равно цветы – искусственные цветы, что лежат рядом, его больше. И они заботятся о кедре – прикрывают тенью в летнюю жару, укрывают в зимнюю стужу. Среди множества цветов видела точно такие же розы, какие сегодня подарили мне. Правда те розы нравятся мне больше, чем эти, срезанные, а, значит, уже мертвые.

Мои раздумья прервал телефонный звонок. Я, верующая в свою первую мысль, поняла, что звонишь мне ты. «Алло, алло...», но в ответ твое молчание. Твоя речь неслышима в этом мире. Когда пошли короткие гудки, положила трубку и записала эти строки. Я верю в мистику.

И снова раздался звонок. На этот раз, плотно прижав трубку к уху, пытаюсь уловить хоть какой-нибудь звук, я слушала тишину, которой почти не бывает. Мне хотелось сказать: «Мама, я тебя слушаю», но в комнате находились другие люди, меня бы не поняли. «Мама, я тебя очень-очень люблю», – мысленно произнесла я, и сразу пошли короткие гудки.

В третий раз наше молчание было долгим. Я старалась прочувствовать твое присутствие в мире. Кем ты стала: мыслью, душой, частью Вселенной? Что нас разделяет: сине-голубое небо или черная, холодная бездна, день или ночь, время или пространство? А ведь время не лечит, оно, наоборот, усиливает боль вечной разлуки. Где ты: может быть совсем рядом, и твоя жизнь похожа на земную? Если так, то нас разделяет только миг, и как только я ступлю в тот мир, мы встретимся. Хочется верить... Но в последнее время мне все чаще видится пространство, царящее между нами. Оно находится между землей и верхними мирами и имеет плотность, состоящую из мыслей людей, причем, только горестных. Наверное, потому, что эти мысли более устойчивы, ведь после утраты близких человек скорбит всю оставшуюся жизнь. Мысли же счастья из-за своей кратковременности легки и воздушны, они быстро теряются... Пространство, вбирающее в себя страдания людей, поддерживает собою верхние миры, и тот – светлый, высокий и чистый, в котором и я была однажды. Видела лазурную бесконечную даль и идеальной формы серебряные шаровидные творения. Иначе их не назвать. Кто-то действительно безупречно их сотворил, создал, кто-то, но только не человек. Составляющие шар зер-

кальные колонны-трубочки нежно излучали матовый свет, от них шел ласковый холодок. Находились шары на больших расстояниях друг от друга и примерно на одной плоскости, возможно, на самой верхней, седьмой оболочке от земли, называемой по-мансийски – Корса («Высокий»), а, быть может, уходили в бесконечность по спирали. В том мире я была бестелесной, наверное, душой или мыслью. Я – душа-мысль – плавно скользила среди зеркальных колонн-трубочек и нежилась от постижения неопишуемой свободы. Испытывала чувства абсолютного спокойствия и полной независимости, легкой прохлады и свежести. Желанием было переместиться в видимый вдали другой шар, для этого нужно только направление мысли, но неожиданно в мое новое состояние стало проникать чувство вины перед родными, которых покинула. Охватило отчаяние и я стала мысленно кого-то уговаривать: «Не могу здесь оставаться. Отказываюсь от свободы, от неги, от блаженства. С благодарностью соглашаюсь на земные страдания, переживания, слезы. Лишь бы рядом были мои родные и близкие». Вернулась на землю. Был ли это сон или видение, не знаю. Мама, ты в том мире? Если в том, то это немного успокаивает. Там свобода, которую жаждет душа после смерти тела, после мучительных болей и страданий, которые выпали на твою долю. Путь туда, наверное, труден. Но ты его преодолела. Ведь так?

А я на земле. И мне сегодня подарили букет красных бархатных роз... И я в раздумьях. Мама, без тебя мир разделился надвое: на время, которое жила рядом с тобой и время без тебя, на белые дни счастья и черные дни горя, на жизнь и смерть. Открыла для себя предназначение

Государственная
библиотека
Югры

КО

-0149551-

смерти. Оказывается, она неумолима, и это не переход души из одного состояния в другое, это ее жестокий захват. Абсурд в том, что смерть нужна для продолжения жизни на земле. Я не о перенаселении планеты Земля, а о скорби. Мы живем по схеме: скорбящий уходит, оставшийся скорбит. И так бесконечно. Наши скорбные мысли поддерживают высокий мир. Но напрашивается вопрос: может быть Создателю значим только Верхний – божественный мир? В раздумьях перевожу взгляд на окно: на подоконнике лежат высохшие мошки и комары, за окном кружит осенний листопад, листья плавно падают на уже пожухшую траву. Кто о них скорбит?

Мама, вновь и вновь возвращаюсь в то солнечное раннее утро, когда ты ушла от нас. Помню твои мучения и свое бессилие. После бессонной ночи ты уснула к рассвету. Сажусь у изголовья и осторожно кладу голову на твою подушку, голова к голове: «Господи, как ты допускаешь такие муки, Господи, помоги! Ведь бывают чудеса – исцели...» Неведомая сила, вырвавшаяся из тебя, отбросила меня в угол комнаты. Обезумев, вскакиваю с пола, бегу к тебе и начинаю понимать – произошло что-то страшное, непоправимое, невозвратное. Напрасно пытаюсь уловить твоё дыхание, напрасно стараюсь почувствовать движение рук, губ, слышу лишь последние затихающие удары сердца.

Слышу их и сейчас. Они часто звучат в ушах. С них начинаются сны о тебе. Помню сон, ставший началом нашего общения. Под высокими сводами огромного современного здания многолюдно. Навстречу робко и несмело, стесненная незнакомыми людьми, идешь ты. Мне хочется пройти мимо, сделать вид, что не замечаю.

Украдкой взглянув, встречаю твой полный растерянности взгляд. Стало невыносимо стыдно за предательские мысли, подхожу к тебе, беру за руки, глажу их, спрашиваю: «Мама, как ты там?» – «Привыкаю помаленьку». Мы долго держались за руки, ощущали тепло друг друга, а потом, наверное, осознавая неизбежность разлуки, молча разошлись. Ты снишься мне почти каждую ночь. В снах предупреждаешь о предстоящих неприятностях, учишь их преодолевать. Однажды было особенно тяжело: умер мой только что родившийся внук. Во сне я сама разыскала твой небольшой бревенчатый дом, зашла. Ты, окинув меня нежным и пытливым взглядом, продолжала спокойно сидеть на диване перед телевизором. За перегородкой в другой комнатке увидела аккуратно заправленную белым одеяльцем детскую кроватку, вопросительно взглянула на тебя. «Доченька, милая, смирись с горем. Он будет при мне...» – прочла во взгляде. Прильнув к твоим коленям, я лила слезы, а ты, забирая часть моего невыносимого страдания, гладила меня по голове. И это были реальные прикосновения. Утром мне стало легче.

Сны, сны, сны. Теперь у меня появился еще один способ общения с тобой – телефонные звонки. В долгих размышлениях поняла и другую суть скорби. Воспоминания необходимы вам, покинувшим этот мир. И чем больше и дольше мы будем вас поминать, тем легче вам на том свете, особенно в промежуточном пути. Мама, я права? Если да, то пусть позвонит телефон...

А тому, кто подарил мне букет красных бархатных роз, спасибо. Цветы стали началом моих историй о маминной жизни.

ЛЕТНЯЯ ПОРА

Мы сегодня на славу потрудились. Сметали сено на дальних покосах, поставили два огромных зарода, так у нас называют стога. Затем отец стал собираться на «завеску», чтобы выбрать из нее мелкую рыбу и мусор, который прибывает течением. «Завеска» звучит для меня как занавеска, да и похожи они. Речка перегорожена огромной сетью, закрепленной с двух концов за стволы деревьев. Издали это сооружение кажется ажурной занавеской-тюлью. Иногда думаю: вот вырезать бы такой кусок сети, покрасить в яркий цвет и повесить в доме вместо тюли, наверное, было бы красиво. Конечно, мама не разрешит это сделать, и поэтому мои фантазии остаются при мне.

Проводив отца – оттолкнув от берега его лодку, мы с мамой отправились собирать смородину, а три младших сестренки остались у догорающего костра, теперь уже дымокура, играть в куклы. Этот год для смородины урожайный. Ветви, отяжелевшие от ягод, лежат на траве. Восторгаюсь каждым кустом, ветвью, гроздью, ягодкой, думаю, что такой красоты и такого богатства нет нигде в мире. Интересно, думает мама также или нет? Спросить ее об этом остерегаюсь, да и далеко она. Ищу поддержку в небесах, ведь кто-то должен знать о существовании такого чуда. Пролетело несколько птичек, высоко в небе парит коршун, где-то кричат чайки – халеи. Всех их не интересует куст смородины. Но ведь есть еще кто-то невидимый, дарующий всем жизнь. Он наблюдает за всем, что происходит на земле, знает все

о каждом. Для него все равны – люди, звери, птицы, растения... Вдруг, почувствовав на себе его взор, с благодарностью и признательностью улыбаюсь ему в пространство, обещаю быть всегда хорошим человеком. Я знаю, что основное наше предназначение – сеять добро, в первую очередь, – дарить добро своим ближним. Я живу в добре. Нас любят родители.

Мои мысли о взаимоотношении человека и растений. Вот, например, куст смородины. Он радостно отдает свой урожай, ведь его ветви, когда мы собираем ягоды, освобождаются от тяжелой ноши и куст выпрямляется. Человек, наполняя свой берестяной туесок – совтик, тоже радуется, ведь ягоды полезные и вкусные.

Так думаю я, торопливо собирая смородину. Торопливость у нас от мамы. Рядом с ней невозможно делать что-то медленно. Мы трудимся так, словно куда-то очень спешим. Но при этом в собранных ягодах не должно быть соринки, на выкошенных полях не должно быть травинки, в сетях не должно оставаться даже самой маленькой рыбки. Благодарность за усердие получаем в виде радостного маминого или отцовского взгляда.

Ищу глазами маму. Она идет с полным совтиком в мою сторону. Наши ведра уже наполнены доверху и мы несем собранный урожай ближе к речке, а сами, усталые и довольные, садимся у дымокура, отдыхаем. Мама начинает переплетать косички девочкам, я люблюсь своей семьей. Глаза всех моих родных темно-карие, напоминают ягодки-смородинки. Беру из совтика две крупные ягодки, подношу к глазам младшей сестренки,

сравниваю – похожи. Захотелось поиграть, угрожающе шепчу ей: «Я съем твои глазки! Ам!» и съедаю смородинки. Мама говорит: «Тыщир ат таи», – «Так нельзя делать», но сестренки уже подхватили игру.

Послышался звук приближающегося мотора. Радостные бежим к реке: кто первым увидит из-за поворота лодку. Мама собирает вещи, игрушки, гасит дымокур. Подъезжает отец, загружаем ягоды, усаживаемся и в путь, пусть и недолгий, но очень для нас желанный. Минуты, которые едем на моторной лодке, ценны до неопишуемости. В это время отстают комары и мошки, обдувает прохладный ветерок. Мы по-настоящему отдыхаем. Просто сидим – и все. Смотрим по сторонам, наблюдаем за собаками. Обгоняя друг друга, они несутся по протоптанной среди трав и кустарников тропке. Изредка из кустов взлетают испуганные утки-мамы, утята бросаются по воде врассыпную. Утиную семью по-русски называют выводок, это означает, что из яиц вывелись птенцы. Мне же представляется утиная прогулка, когда утка-мама выводит своих утят погулять. На суше их не видела, а вот на воде они все плывут очень важно и гордо, вид утки-мамы говорит: «Посмотрите, какие прекрасные у меня утята, они, как и я, самые умные и красивые». Также, наверное, думают и утята, цепочкой плывущие за своей мамой.

В пути нас всегда сопровождают горластые халеи. Своими криками они заглушают звук мотора. Самые смелые пикируют в ящик с рыбой. Вопреки строгим взглядам родителей время от времени мы бросаем за

борт лодки рыбу. Халеи ловко и безошибочно выхватывают ее из воды и тут же проглатывают.

Мы проезжаем последний поворот до нашего стана – остров с темными высокими елями и кедрами. Нам запрещено ходить в этот лес и даже глядеть туда. Там находятся наши духи-покровители. И, хотя духи невидимые, украдкой все же всматриваюсь в лес. Иногда кажется, что за деревьями мелькают темные силуэты. Становится жутковато. Когда лес остается позади, за спиной всегда чувствуется чей-то пристальный взгляд. Хочется оглянуться, но страшно. Проезжая это место, лица родителей становятся кроткими и смиренными, они опускают взоры, преклоняют головы.

За поворотом появляется рыбацкий стан, мы называем его домом. Наш дом – это большая брезентовая палатка; обустроенное кострище, над которым сооружена крыша из досок; врытые в землю стол и скамейки. С трех сторон дом окружает лес. Радостно и шумно нас встречают уже успевшие прибежать собаки. Как только лодка достигла причала, одна из них, повизгивая, бросилась к нам, думая, что мы пристали за ней. От ее прыжка лодка отъезжает от берега, начинается веселая суматоха: кричим и машем руками на собаку. Она выпрыгивает с лодки, отталкивает нас еще дальше, и нам приходится грести веслами. И так каждый раз.

Но вот мы и дома. Настроение приподнятое. Готовим на двух кострах ужин для себя и собак, разделяем рыбу, носим из леса хворост, разжигаем для собак дымокуры. У каждой собаки есть свой домик, который

они сами соорудили в корнях деревьев. Как у людей, их дома отличаются друг от друга. Некоторые очень удобные и практичные, в них собаки спасаются летом от комаров, зимой от морозов.

Меня отправляют по воду. Это нетрудная работа. Речка рядом и ведро не очень большое. А вот до настоящего дома, который стоит у нас в поселке на крутом берегу, носить воду тяжело. Туда воду носим двумя ведрами на коромысле, но самое тяжелое – это подъем на высокий берег. Еще год назад, поднявшись с водой на гору, я отдыхала. В этом году нашла новый способ носки воды – ношу ее чуть ли не бегом, так меньше устаю. Мама удивляется этому, смеется.

В лесу ходить по воду одно удовольствие. Вечером на речке особенный воздух, прохладный, ароматный и густой, насыщенный, вобравший, как мне кажется, все запахи солнечного дня. На речке время течет медленнее. Успеваю о многом подумать: об огромном земном шаре и безграничном пространстве – вселенной; о нас, живущих в тайге у костра, и людях, населяющих землю. О человеческом счастье. Каждый счастлив по-своему. Мое счастье связано с запахами тайги и пением птиц в лесу, с этой речкой и мальками, плавающими у берега, и, конечно же, с моими родными. Когда думаю о них, сердце наполняется нежностью и теплотой. Перевожу взгляд на стан, окутанный дымокурами, вижу сестренку, играющих в «клетки», маму, склонившуюся над разделкой рыбы, отца, строгоющего колышки-зубчики для граблей. Затаив дыхание, шепчу свое заклинание: «Хочу,

чтобы так было всегда. Чтобы всегда были мама и папа. Я всех люблю, моя любовь пусть оберегает вас от болезней». Эти слова произношу часто и с давних пор, наверное, уже лет пять. Были еще слова – «чтоб всегда была бабушка», но прошлой осенью бабушка умерла. Всем было тяжело. С той самой поры я стала осознавать хрупкость бытия, и в сердце поселилась тревога. Стала жить с чувством постоянного страха за здоровье родителей. Без них рухнет мир нашего семейного счастья. Так что же такое счастье? Кажется, что это простое человеческое чувство, но чтобы оно было – необходима какая-то целостность, ведь не скажешь же: «Я частично счастлива». Счастье влюбленного, когда он ощущает ответные чувства; мать счастлива, когда здоровы и сыты дети; ребенок счастлив рядом с матерью. Целостность моего счастья в семье. Издали наблюдаю за родными, хочется плакать от переполняющих сердце чувств, но времени нет. Пора идти, и так долго задержалась.

Мы ужинаем. В центре стола на большом блюде рыба, уха разлита по кружкам. В отдельном блюдечке пересоленная уха – солвалн вит – «соленая вода». В нее макают кусочки рыбы. Наблюдаю, как, повторяя движения мамы, кушает младшая сестренка. Наверное, она представляет себя взрослой. А я уже взрослая. Мне пятнадцать лет. Только подумала об этом, как мама сказала, что завтра они с отцом поедут в поселок за продуктами, меня оставляют за старшую. И еще мама ждала писем-восточек от старших детей. Они живут в далеких городах. Мама очень переживает за них.

Весть о поездке родителей застала меня врасплох: как мы останемся в тайге одни? Хотела возмутиться, но что-то удержало. Так, буду вести себя по-взрослому! Не скажу же при младших сестренках, что я трусиха: боюсь лесных шорохов, даже стрекот сороки меня настораживает. А если к нам придут какие-нибудь звери? Если была бы бревенчатая избушка, то укрылись бы в ней. Но мы живем в брезентовой палатке. Где же укрыться в случае опасности? На деревья сестренки не смогут забраться, малы еще. Оставят ли мне ружье? Конечно же, оставят. Костер. Да, костер! Только он может спасти в тайге. Нужно будет принести побольше дров. Но не сегодня, этим выдам свой страх. Страх – необъяснимое и неприятное чувство. Мне, например, никогда не бывает страшно, когда рядом находятся родители, даже если и на далеком от меня расстоянии. С ними наш большой лес кажется единым домом. А тут они выедут с речки Посал и уедут за десятки километров. Сделав над собой усилие, спокойным голосом спрашиваю:

– А когда вы приедете?

– После шести часов вечера, – отвечает мама. – С утра в магазин схожу, сдам в промхоз ягоды, и письма еще нужно написать и отправить. И еще коров хочу сама подоить, чтобы привезти молоко.

После ужина занялись привычной работой. Мама продолжает готовить рыбу для сушки, пока рыба еще свежая и легко нарезается: из чебаков и сороги делает «ёхол», из сырков – «хор». «Ёхол» запасают на зиму для собак, его нужно сделать очень много, чтобы хватило на всю зиму.

Отец чинит сети. Я на озере мою посуду. Озеро находится ближе речки, оно небольшое, в нем нет рыбы, но живут ондатры. Это видно по срезанной осоке.

На озере у нас деревянные мостки. При ходьбе они приятно раскачиваются. Их может и затопить, но это зависит от веса человека и от того, как далеко по ним пройти. Посуду мою на краю мостков, меня они легко выдерживают. Гляжу на закат, солнце едва виднеется над верхушками деревьев, значит, скоро полночь. Закат красный, значит, завтра будет ветреный день.

Помогаю маме развешать рыбу. Она радуется: «Хороший завтра ветерок будет, вкусная рыбка получится. Высохнет хорошо, отправлю посылки в Ленинград...» А ведь мама и сама умеет вызывать ветер. Это бывает днем на покосах. В очень жаркие дни, когда мы усаживаемся на кратковременный отдых, и кто-нибудь из сестренок начинает кукситься от жары и гнуса, мама встает, понятным только ей способом определяет сторону, откуда может прилететь ветерок и начинает тихонечко насвистывать. Мы сидим, затаив дыхание. Вдруг прилетает самый настоящий ветерок, зовут его «вот пыгрищ» – «сынок ветра», он проносится мимо нас и начинает играть со скошенным сеном. Мама уговаривает его ласковым голосом: «Дуй, ветерок, дуй. Дуй, ветерок, дуй...» И все! До самого вечера нас и наши покосы обдувает легким и игристым ветерком.

Выполнив всю работу, укладываемся спать. Спим в большом ситцевом пологе, завязанном изнутри палатки. Полог – это целый мир воображений. Он шит

из разноцветных, симметрично подобранных отрезков ткани. Вверх и две противоположные стороны полога белые в синенький цветочек, углы-клинья – розовые в квадратик, две другие стороны содержат до шести расцветок ситца. Мы успеваем вслух помечтать, что сшили бы из той или иной ткани. Но вскоре монотонная ко-маринная песнь нас усыпляет.

Слышу мамин голос: «Агикве, квалэн» – «Доченька, вставай». Осторожно выбираюсь из полога, подминаю его края, чтобы внутрь не залетели вездесущие комары. На улице уже яркий солнечный день. Весело и шумно трепещут листья осины, отовсюду слышится пение птиц. Сон улетучивается, как только вспоминаю предстоящий отъезд родителей. Но еще теплится надежда, что поедем все вместе. Иду умываться к озеру. Вдыхаю аромат воды. С чем сравнить этот запах? С детством, мамой, родными местами? С чем же? Это что-то постоянное и родное. Подходит мама, спрашиваю: «Мама, чем пахнет вода?» Улыбнувшись, отвечает: «Водой. Все имеет свой запах».

Мама дает наставления. Становится грустно, значит, она действительно уезжает. На вешалах сушится рыба – «хор», если услышим звук незнакомого мотора, рыбу должны спрятать в лесу. Сейчас запрет на сырка, могут отца оштрафовать. Во мне растет бойцовский дух.

Вскоре мама с папой уехали. Звук мотора постепенно таял в воздухе и, наконец, совсем исчез. Стало страшновато. Мой слух напрягся. Глянула на собак – веселые, значит, опасности нет. Пора приниматься за

дело: натаскать сухих дров. За этим занятием меня за-
стали сестренки. После завтрака они хотели играть в
прятки, но я боялась выпускать их из поля зрения. При-
шлось шить для кукол наряды. Незаметно пролетела
половина дня. И вдруг послышался звук мотора – лод-
ка мчалась по нашей речке. Срываюсь с места, быстро
переношу рыбу в лес, хватаю со стола охотничий нож
и приказываю сестренкам бежать за мной. Когда соби-
рала дрова, видела большое сваленное дерево, оттуда
просматривается вся местность у нашего стана.

На лодке приехал русский мужчина, рыжий и кудря-
вый. Я его знаю – это бригадир рыбаков. Он пошел
к палатке, заглянул внутрь, подошел к столу, потрогал
чайник. В недоумении постоял у костра, несколько раз
крикнул – позвал отца, на всякий случай дважды вы-
стрелил. Затем написал записку и уехал. Мы, выждав
еще какое-то время, вернулись к палатке. Сестренка
Надя спрашивает:

- Ты зачем нож взяла?
- Чтобы вас защищать.
- От кого?
- А вдруг бандиты приехали бы.

Стали читать записку: «Селиверст. На Палье пошел
чебак, нужно туда ехать на рыбалку». Напряжение про-
шло, исчезли страхи, во мне проснулось что-то новое.
Это не смелость, но что-то созвучное. Появилась уве-
ренность, что наша защита – это тайга. И если вновь
услышу звук мотора, вновь уведу сестренку в лес. Толь-
ко там мы в безопасности. А сейчас я не должна сидеть

у костра и прислушиваться к шорохам, должна вести таежный образ жизни. Мы отвязали всех собак, поехали на дальнее озеро проверять сети. Поймали много рыбы, приготовили ужин, ведь скоро приедут мама с папой. Затем пошли собирать смородину. Собрали целое ведро, и, наконец, услышали звук мотора. Нашего мотора. Его ни с чем другим не спутаешь. Счастливые, рассыпая совтики с ягодами, пробиваясь сквозь густой кустарник, мчимся к причалу. Кто первый! Первыми, как всегда, встречают своих хозяев собаки. Подбежали и мы, бросились в мамины объятия, все четверо, и долго не отпускали друг друга. Вдыхали самый родной на свете запах – запах мамы. Он вообрал в себя ароматы солнца, воздуха, воды, леса, цветов, трав, дыма костра. Он излучал тепло, материнское тепло.

Необычно шумно было за ужином, богатым сладостями. Мама читала вслух письма от старших – сестры и братьев. У всех у них, к счастью, все было хорошо. Мы перебивали друг друга, рассказывали о прошедшем дне. Много смеха вызвал рассказ о бригадире, который уехал от нас в недоумении: костер горит, чай разлит по четырем кружкам, а людей нет...

Самым молчаливым за нашим столом, как всегда был отец. Он с любовью смотрел на нас, время от времени гладил кого-нибудь по голове, ласково произносил: «Ниночка», «Наденька», «Марина», «Света».

Что же мне дал этот долгий-долгий летний день? Я по-настоящему почувствовала себя таежницей.

ПОЛИНА

Солнечный лучик медленно скользил по подушке, пытаясь осветить Полину, ведь сегодня Нуми-Торум дарит ей особенный день. Но снова, как только лучик дотронулся до волос женщины, она резко отодвинулась к краю кровати. Сон ее был тревожным. Полине снова снился ее первенец – сын Ванечка. Маленький ласковый ребенок сидит на подушке у изголовья, лепечет свои первые слова. Но вот в сердце матери врывается предчувствие неминуемой беды, второпях она пытается ухватить сына за ножки и втянуть под одеяло, спрятать, защитить его. Но руки путаются в белье, и она, как ни старается, не может их высвободить. Сыночек радостно улыбается и протягивает ручки кому-то, стоящему за ее спиной. Ребенка забирают, и Полина знает, что больше его никогда не увидит...

Сон этот снится часто и уже очень долгое время – почти тридцать лет. Он всегда одинаков до этого момента, и здесь можно проснуться, прервав тем самым дальнейшие видения, грустные и печальные, в которых Полина, пытаясь отыскать сына, оказывается в незнакомых лесах, городах, терпит страхи, испытывает душевные и физические боли. Она может проснуться в любой момент, но тогда не будет главного: хоть издали увидеть сына, знать, что он жив и здоров.

Вот и в сегодняшнем сне, долго блуждая по незнакомому ночному городу, с трудом пробравшись через

какие-то грязные, заваленные хламом дворы, убегая от собак и людей, Полина оказалась в огромном, ярко освещенном здании из стекла и металла. Там многолюдно, все хорошо одеты, почти у каждого рядом большие сумки и чемоданы. Одни куда-то спешат, другие сидят на скамейках. Полина поняла, что это вокзал. Однажды она была в городе Ивделе на железнодорожном вокзале, там люди вели себя так же. Правда, то здание было небольшим, всех можно было охватить взглядом, стоя у дверей. Здесь же, чтобы увидеть того, ради кого пришла, придется идти по всему вокзалу. Прислушавшись, Полина поняла и то, что люди говорят на украинском языке, в прошлом ей доводилось слышать такую речь. Ее первый муж был украинцем, он общался со своими земляками на своем языке.

Теперь нужно разыскать сына – взрослого уже человека. Полина медленно идет по залу, с опаской вглядываясь в людей. Она боится их, незнакомых, чужих, равнодушных. Встречаясь случайно с чьим-либо взглядом, она опускает взор, мысли ее путаются, хочется немедленно проснуться. Но мысль о сыне заставляет упрямо продолжать путь.

И вот материнское сердце вздрогнуло: среди тысяч людей она увидела – нет, не взрослого сына, а того маленького Ванечку, которого довелось понежить лишь в первые два годика его жизни. Она увидела сыночка, которого не смогла сполна одарить материнской любовью и лаской, сыночка, которого выкрал у родной матери отец. Полина не помнит, как и когда оказалась

рядом с малышом, ласково улыбавшимся ей. Она хотела поцеловать его, взять на руки, прижать к своему сердцу... Но вдруг, как наяву, кто-то больно ткнул ее в плечо. Рядом стоял мужчина, он угрожающе кричал и махал руками, показывая то на ребенка, сидящего на коленях у молодой женщины, то на нее, трепетавшую уже от страха. Что-то до боли знакомое было в движениях и голосе этого парня. На миг время унеслось в прошлое: первый муж Полины Сергей о чем-то спорит со своим земляком, тоже заключенным «поселенцем». Тот же голос, те же движения... В радостной догадке Полина поднимает взгляд, смело осматривает кричащего мужчину. Ей хочется сказать: «Сыночек, ты так похож на своего отца. А рядом, значит, мой внук? Сыночек, я твоя мама», – но она не может произнести этих слов, за долгие годы жизни на стойбище русский язык почти стерся из ее памяти, а украинского она не знает. Полина была счастлива, и ее уже не пугало, что мужчина распалялся все больше и больше. Только бы длился сон. Но что-то мешало...

И тут Полина почувствовала, что кто-то тихонечко тянет ее за руку. От удивления, что в чужом и незнакомом месте к ней относятся с заботой, она чуть не проснулась, чуть не потеряла сон. Но сейчас она не могла позволить себе такое расставание и, чтобы продолжить сновидение, замерла, почти перестала дышать. Сон вернулся. Материнское сердце подсказало, что за руку ее держит младшенький – Гаврилка – сын, которого она потеряла совсем недавно. Полина медленно поворачивается к нему, ноги ее подкашиваются, она ухватывается

за худенькие плечи сына, прижимает его к себе, из груди вырываются рыдания: «Ятилкве, анум воссыг ул хультуптэлын...» «Миленький мой, не покидай меня больше. Мне очень тяжело без тебя. Зачем Духи священной реки Пелым позволили тебе так рано уйти из жизни, зачем наказали меня таким невыносимым горем, как же мне дальше жить?..» Гаврилка нежно гладит мать по лицу, утирает слезы, шепчет: «Омакве, ома, ома...» «Мамочка, мама, мама...» И тут Полина начинает понимать, что зов сына идет извне, из реального мира. Она открывает глаза, солнечный лучик ласково пригревает лицо – сушит слезы. И вновь слышится: «Ома, ома». Полина резко поднимается с постели, бросается к переднему углу, туда, где вот уже несколько долгих месяцев лежит, прикованный к постели, сын Сашка.

– Ятилкве. Ёл оилматвесум, ворил нох рохтысум... Миленький мой. Уснула крепко, еле проснулась. Ты давно меня зовешь? Горшок подать? Сейчас, сейчас. Вот так, хорошо. Сейчас сбегаяю на улицу, печку затоплю, чай вскипячу. Ты давно проснулся?

– Ати, усьтынув... Нет, недавно. Ты во сне очень стонала, всхлипывала, я испугался, думал, что ты заболела. Дядя Петя вон тоже спит, постанывает. Может, его разбудить?

– Тав вос мось инг улмаи... Да пусть еще сны досматривает. Он, наверно, во сне с кем-то воюет. Целый день радио слушаешь: как не застонешь.

Полина сбегала во двор, растопила печь, вернулась, поправила сыну постель, поставила градусник, стала

ждать. Градусник — хрупкая вещь, к нему относятся очень бережно, на него возлагают большие надежды на Сашкино выздоровление. Полгода назад, когда из тайги отец приволок на себе изувеченного медведем сына, первым делом как к единственному спасению Полина бросилась к аптечке, оставленной когда-то проезжими туристами. Все содержимое аптечки закончилось в тот же день, остался только градусник. Вот уже полгода он является неизменным началом каждого дня. Когда Сашка лежал с градусником, Полина сидела рядом на маленькой скамеечке и смазывала ему медвежьим жиром уже затягивающиеся раны, нежно гладила и разминала его неподвижную руку. Сашка с благодарностью и надеждой смотрел на мать, пытался улыбаться, но получалась лишь жалкая гримаса. Минут через десять Полина вынимала градусник, подходила к окну и долго изучала ртутную шкалу. Ее радовало, что вот уже вторую неделю она была ниже красной полоски, значит, сын пошел на поправку. Настроение матери переходило сыну, и он, пока еще с трудом, начинал рассказывать о своих снах, о своих раздумьях по поводу услышанных радиопередач. Вскоре в разговор, кряхтя и постанывая, вступал слепой Петр. В эти дни, все чаще слыша голос теперь уже единственного племянника, он стал чуть бодрее.

Полина поила мужчин ароматным чаем, заваренным смородиновым листом, затем шла готовить обед. Все продукты были на исходе. Полина долго отваривала кусочки сушеного мяса, заваривала бульон мукой. Рыба

для них была редкостью. На Пельме, несущем свои темные воды всего в нескольких метрах от дома, рыбу они не ловили. Река имела большую святость. Чтобы как-то разнообразить питание, Николай – муж Полины и единственный кормилец в доме – вчера ушел на озера, на рыбалку. Озера находились в пятнадцати километрах от дома.

Полина подтопила печь, поставила котел с варевом и тихонечко, оглядываясь по сторонам, словно кто-то мог за ней подглядеть, пошла к своему укромному месту. Оно находилось недалеко от дома, к нему можно было идти по прямой тропинке, по ней, наверное, шел и Гаврилка в последний день своей недолгой семнадцатилетней жизни. Полина же ходила туда украдкой по кромке леса, скрываясь в кустарнике. К заветному месту она выходила со стороны леса, подходила к одинокой березе, стоящей на отвесном выступе у реки. Здесь тайком она оплакивала свою тяжелую долю. Сегодня покой не давали мысли о Гаврилке. Вот здесь совсем еще недавно стоял он – ее младшенький, наверное, он смотрел на воду, на лес, на свой дом, постройки. Наверное, также пели птицы, играл ветерок и светило солнце. Что же случилось тогда? Может быть, поскользнулся и упал в воду, или сам ушел из жизни? Нет, он очень любил жизнь! Он любил и жалел родных, трепетно относился к матери. Полину душили слезы, она упала на колени, стала нежно гладить и целовать землю, те места, где ступали ноги ее сына. Перед ней проплывали картины совсем недавней жизни, радостные и счастливые: вот

они с младшеньким несут дрова из леса, сын говорит: «Вот вырасту, буду тебя на руках носить», вот собирают ягоды, и слышится пение Гаврилки: «Ам омаквем хотал хурип... Моя мама как солнце, также согревает меня, также освещает мне путь...» Полина умоляла духов-покровителей и всех своих ушедших в тот мир оберегать Гаврилку. Она долго оплакивала сына: «Ятил войкан, ятил сорни! Милое пресветлое, золотое! Светлый мой, милый мой сыночек! Ты ведь где-то рядом, дай мне знак. Появись и скажи, как ты на том свете без своей мамочки. Если тебе очень тяжело, я приду к тебе сейчас. Сил моих нет жить на земле в таких страданиях. Позови меня, прошу тебя, позови. Появись и скажи...» И сын появился: худенький, стеснительный, робкий, такой, каким был при земной жизни. Он сел рядом с матерью и ласково погладил ее по руке: «Ома, ул люньцен... Мама, не плачь, ведь я никуда не ушел от тебя и никогда не уйду. Я всегда рядом с тобой, рядом с вами. Просто вы меня не видите... Ты должна помогать Сашке, он нуждается в помощи. Не торопись сюда, отсюда обратно не возвращаются. Не переживай, я всегда рядом с тобой...» Видение исчезло так же неожиданно, как и появилось. Пытаясь уловить присутствие сына, Полина стала прислушиваться к шорохам. На всякий случай тихонько прошептала: «Ты здесь?» В ответ со всех сторон – от трав, листьев, цветов – пронесся шепоток: «здесь, здесь, здесь...» Место, где только что сидел ее сын, освещал яркий сноп солнечных лучей, чудом пробившихся сквозь густую листву березы. Все это вселило

Полине уверенности, что Гаврилка находится рядом. Она поднялась с земли, благодарно преклонила голову перед солнцем: «Хотал, хоталкве! Нанг регын, нанг посын хосыт ман ты олантэв... Солнце, солнышко! Благодаря твоему свету и теплу мы живем, спасибо тебе за заботу. Жизнь многих поколений людей ты согревала, в их жизни тоже были беды, но они жили, растили детей. У меня есть радость в жизни – мои сыновья. Ради них я должна жить. Умоляю, солнце, помоги Сашке, пусть он встанет на ноги, умоляю тебя, солнце...» Не успев до конца прошептать свою молитву, сквозь ветви Полина взглянула в сторону дома. Сердце ее рвануло от неожиданности. В дверях дома, ухватившись за косяк, стоял Сашка. Он пытался куда-то идти, но боялся ступить, боялся упасть. Изо всех сил мать бросилась к сыну, бежала по проторенной когда-то младшеньким тропинке, узенькой, ровненькой, прямой. Добежав до Сашки, упала перед ним на колени, обхватила за ноги, запричитала: «Ятил поскве! Нанг сансагынт яныгмам няврамаквет, нанг хосытынт элаль олнэ хотал вос хонтыглалэгыт... О, милое пресветлое! На твоих коленях возвращённые дети, благодаря твоему усердию для жизни дни пусть найдут, дорогу в жизни пусть найдут...»

Сашка бережно гладит мать по голове, растеряно улыбается: «Мама, проводи меня до реки. Мои глаза давно не видели ее священных вод. Мама, а вон и собаки наши показались, и отец с добычей идет».

«О, СОСЬВА! КОЛЫБЕЛЬ МОЯ!»

ИЛИ ПИСЬМО С ТОГО СВЕТА

Я очень любил и люблю свой родной поселок Сосьва. Учился в Ханты-Мансийске, хотел стать судоводителем. Когда наступили зимние каникулы, полетел на самолете в Березово, на следующий день мне предстояло лететь до Сосьвы. Помню, что в первый день мой полет оказался неудачным. Покружив полчаса над Березово, самолет вернулся обратно в Ханты-Мансийск. На следующий день с утра снова поехал в аэропорт, к полудню был в Березово. Встретил друзей, до вечера мы просидели в аэропорту. Хотя на улице был сильный мороз, мы все же надеялись на спецрейс. Чуда не случилось, и мы пошли ночевать в поселок. Шли по центральной улице, возле почты на автобусной остановке сидели два пацана. Я направился к ним, попросил зажигалку. Один из них, тот, что повыше, неожиданно вскочил, в его руке мелькнул нож. Все случилось так внезапно, что я не успел уклониться, испугаться, осмыслить происшедшее.

Помню только, как лежал на утоптанном обледеневшем полу автобусной остановки. Помню нестерпимую боль, пронзившую меня, и холод металла. Сначала холод ощущался только на месте раны, а потом медленно и основательно стал заполнять все тело.

Слышал какие-то крики, иногда приближающиеся шаги. Искал глазами кого-то: может того, кто нанес удар, или тех, кто шел вместе со мной. Помню, что мне не хотелось покидать тот мир в семнадцать лет. Желани-

ем было взглянуть на север, туда, где находился мой поселок, мой дом, но мешала выкрашенная в ярко-синий цвет стена автобусной остановки. Не помню, мысленно ли, вслух шептал свои последние при той, земной жизни слова: «Мама, помоги, мамочка!..» Сейчас знаю, что именно в тот миг она думала обо мне, она целый день думала обо мне, ждала меня, но из-за нелетной погоды нам не суждено было встретиться...

Помню, как на меня в упор смотрели уличные фонари – свидетели моего несчастья. Возможно, они хотели своим теплом согреть меня. Один фонарь, наверное, от перегрева, внезапно взорвался, осколки медленно и плавно падали в сугроб. Этот сугроб был похож на заснеженный могильный холм. Сейчас знаю, это было знаком последнего пристанища для моего тела.

Помню, как приближалась с неба звезда, ее сияние успокаивало и согревало. Были еще звезды. Неожиданно в углу автобусной остановки увидел свою бабушку. Она подошла, подложила мне под голову шапку, поправила задравшуюся на спине куртку, показала взглядом, что мы не одни. Подошел отец, на его лице светилась радость. Он протянул для пожатия руку, я тоже. Моя рука была в чем-то липком и красном. Долго смотрел на ладонь, наконец, осознал, что это кровь. Стало стыдно. Так начиналось мое пребывание одновременно в двух мирах. Тяжелое состояние, но, слава богу, не очень долгое. В это время моя душа вкупе испытала холод и боль, страх и отчаяние. Спасли меня бабушка и отец, они раньше меня попали в этот вечный мир. Правда, сначала они пытались сохранить меня для того мира, старались согреть и даже звать на помощь. Отец

сбегал в здание почты, отчаянно стучал в окно, в дверь, и... был услышан. Оттуда примчался охранник, выдохнув: «Держись, пацан!», побежал за машиной. Вскоре на черной «Волге» он вез меня в больницу...

Помню, как в сознании пронеслись некрасовские строки:

«О, Волга! Колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Когда еще все в мире спит...»

Оказывается, вот о какой «Волге» я так долго бубнил, пытаясь выучить стихотворение. А ведь мне всегда хотелось сказать «О, Сосьва! Колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?» Я очень хотел домой, но вот ночью, «когда еще все в мире спит», в чужом месте я мчусь на «Волге» – моей последней колыбели... Так моя судьба вдруг дала сбой и передала права властителю моей следующей – третьей и вечной жизни: моя первая жизнь была в утробе мамы, вторая на земле, третья – в вечности.

Помню, был еще один знак в промежуточном пути. Номер машины на которой меня везли – «888». Восьмерка – символ вечности, символ неисчислимого времени и безграничного пространства. Так меня сопровождали в этот мир...

Когда машина примчалась к больнице, меня на носилках занесли в приемный покой. Это я видел уже сверху, знал, что очень скоро, разведя в стороны руки, от меня отойдет врач, и знал, что вскоре над Сосьвой разнесется мамин плач. Помню, словно провинившийся ребенок, прижимаясь то к бабушке, то к отцу, долго

находился у своего тела, ждал, когда за ним приедут и увезут домой.

Теперь, уже по прошествии лет, из-за страданий, причиненных маме, до сих пор чувствую за собой вину. Эти чувства не для этого мира, причина, наверное, в моем юном возрасте. Здесь, как и все, стремлюсь к стойкой гармонии. Здесь нет счета времени, по меркам земной жизни, на этом свете я нахожусь пять лет, по нашим меркам – вечность. Тут есть жизнь, такая же, как и там. Я живу с бабушкой, отцом, другими родственниками. Рядом находитесь вы, я слушаю вас, смотрю на вас, сижу рядом с вами. Ведь вы иногда меня видите. Так, нарушая правила вечности, я иногда шучу. Живу я в поселке Сосьва, ведь здесь находится моя колыбель...

МЫ ЕСТЬ...

I

Люба сидела на лекции по родной литературе и смотрела в окно. Маленькая полоска светло-голубого неба среди сплошных белесых облаков направляла ее мысли на философские размышления о родине. Сейчас цепочку своих умозаключений она решила раскладывать от общего к частному: моя родина среди безграничной вселенной – это скопление звезд, называемое млечным путем; моя родина на кромке млечного пути – это солнечная система; моя родина в солнечной системе – это голубая планета Земля; моя родина на земном шаре – это территория, расположенная в среднем течении реки Северная Сосьва...

Стоп! Теперь нужно осторожненько, шаг за шагом, найти тот уголок земли, который бы точно соответствовал понятию Родина.

Люба вспомнила свою летнюю поездку домой. На каникулы она ехала на теплоходе по реке своего детства – полноводной Сосьве. Ее сердце пело от счастья: ведь скоро родной дом! Мысленно она витала в облаках, сверху окидывала взором бескрайние просторы тайги, любовалась нескончаемой далью реки, многочисленными извилистыми речушками, синью больших и малых озер. Сердце переполнялось радостью и гордостью за свой край, хотелось кричать во весь голос: «Это моя родина!» Но в какой-то момент она подумала, что родина не может и не должна быть такой необъятной. Ведь она даже не знает названия мест, мимо которых проезжает, не знает людей, населяющих деревни, по-

селки и одинокие стойбища. Тогда Люба поняла, что родина должна быть маленькой, уютной и привычной, и она решила, что это поселок Сосьва и дом, в котором прошло детство.

Сейчас, находясь вдали от дома, Люба думала иначе — ее родина значительно больше летних представлений: если смотреть с земли, то границы родного края невозможно окинуть взором, с высоты же птичьего полета — это охват горизонта, а если глядеть с заоблачных высот, то взгляд должна притягивать тайга, в эпицентре которой находится маленький бревенчатый домик. В этом доме когда-то жили родители Любы, растили детей, в доме всегда звучал детский смех и мамины песни, прославляющие близкие сердцу места и родственников.

Люба трепетно относилась к воспоминаниям о своем детстве, той поре, когда мир казался совершенным — добрым и прекрасным. В мире детства солнце светило намного ярче, дни были длиннее, травы и деревья зеленее, вода в реках и озерах прозрачнее и чище, летние грозы мощнее и раскати-стее... Все-все было особенным, основательным, значительным.

Мысленно сверху, сквозь полосочку чистого неба, Люба искала среди заснеженной тайги маленький одинокий домик. Она нашла излучину реки Сосьва и устье речушки Посал. Среди темных хвойных лесов, покрытых бесчисленными белоснежными шалками, отыскала тонкую белую нить — в прошлом санной, а теперь «Буранной» дороги, по ней определила нахождение дома... Вспомнилось лето — последнее лето, проведенное рядом с мамой. Жаркий летний день.

У собачьих привязей, у стайки и в сенах разложены дымокуры. Голубая дымка мягко окутывает стойбище, навеивает умиротворение и спокойствие. В доме прохладно. Из завешанного марлей окна дует свежий лесной ветерок. Мама на берестяном туеске кончиком острого ножа рисует-скоблит орнамент. Люба по ее воспоминаниям составляет генеалогическое древо. Словно сегодня звучат мамины слова: «Доченька, пиши, жизнь людей на земле не вечная. Совсем недавно рядом со мной были мои родители – мой добрый, спокойный отец, моя милая, неугомонная мама. Мне казалось, что их жизнь будет долгой-долгой. Но судьбы людей не зависят от наших надежд и желаний. Они ушли, унесли с собой свои думы и знания. Сейчас жалею, что многое не успела у них расспросить, узнать. Мешало воспитание, не принято было задавать много вопросов, вести откровенные разговоры. Стеснялись смеяться и громко разговаривать, прямо смотреть взрослым в глаза. Вы, мои дети, растете в другое время, для вас оно кажется радостным, а я переживаю, жалею вас. Прошли те времена, когда манси жили хорошо: ловили рыбу, охотились, держали оленей, лошадей, коров. Не зря наши мудрецы в сказках говорили: «Пройдет сказочная эра, песенная эра, наступит эра слез и страданий». Вспоминаю прошлую жизнь, и слезы наворачиваются, как быстро все пролетело-промчалось.

За вас очень боюсь, тревожусь. Вы хотите жить в больших городах, придется работать среди незнакомых людей, выполнять необычную работу. Хватит ли у вас знаний, сил и терпения? Кто же вам будет помогать? Вот и хочу, чтобы знали всех своих дальних и близ-

ких родственников, так легче будет в жизни. Родные люди всегда помогут друг другу...» И Люба, удивляясь цепкой памяти матери и обширным родственным связям, писала древо жизни. Пишет она и сегодня, спустя пять лет, как не стало мамы. Дополняет недостающие звенья. Составление родословной стало для нее частью жизни, высоким долгом перед светлой памятью матери и отца и всех родственников, кто жил на земле, трудился, мечтал, любил, растил детей, радовался, горевал. Свой труд Люба называет «именной энциклопедией». Если удастся ей что-либо услышать о каком-то человеке, то его имя тут же сопровождает не-большим комментарием. О своем прапрапрадедушке со слов мамы она записывала: «Иван Леонтьевич родился в 1860 году. В его семье было семь детей. Когда младшей Аксинье исполнилось четыре года, умерла жена Матрена. Через три года он женился на Феоклите Смиркиной. У нее было две дочери. Общих детей не было». А еще Люба знает, что Иван Леонтьевич вместе со своим отцом и братьями на летнюю рыбалку с реки Ляпин выезжали на Обскую губу, преодолевали тысячи и тысячи километров. И это в XIX веке! Воображение тут же рисует картины прошедших веков: в весеннее половодье по рекам, преодолевая обские волны, плывут семисаженные лодки под парусами. В одной из них – семья Кугиных. Мужчины управляют движением, женщины в каюте, сооруженной в середине лодки, занимаются рукоделием, тихонько играют с детьми. Такие поездки люди совершали и в двадцатом веке. В одной из таких поездок родилась Любина бабушка.

Мысли, мысли... Быстры, как весенние ручейки и полноводны, бесконечны и постоянны, как реки.

Лекция продолжалась. Люба, порой прислушиваясь к речи преподавателя, затем, делая вид, что внимательно слушает, продолжала свои думы. Она думала о многом: о девушке Вере из соседней комнаты по общежитию, с которой разговорились лишь вчера, и которая оказалась ее сестрой в пятом поколении; прадедушке Савелии, репрессированном в 1937 году вместе с сыновьями и внуком и расстрелянном где-то здесь, в этом городе; дедушке Силе, участнике Великой отечественной войны, призванным на фронт восемнадцатилетним. 8 мая 1945 года он, гвардии сержант, разведчик 45-й танковой бригады уже был в Берлине и до 1947 года служил в Германии начальником танкодрома; о подруге Надежде, с которой сегодня пойдут на дискотеку, и, вновь о Вере...

Вчера вечером в общежитии Люба забежала в соседнюю комнату одолжить растительное масло. В комнате находилась Вера – тихая скромница или скромная тихоня (так беззлобно за глаза называли ее однокурсницы и соседки по комнате). Вера жила в общежитии уже третий год, держалась обособленно: отвечала на вопросы, но сама никогда не задавала, не вступала в разговоры, а если обращались к ней, в основном чтобы поделиться наболевшими проблемами, внимательно, кивая головой, слушала. Она была очень хорошим слушателем, за это была уважаема, и не только за это. Большую часть свободного времени Вера читала книги и писала. Писала рассказы, два из которых были уже опубликованы.

Уважение вызывало и то обстоятельство, что при нынешних ценах, девушка умудрялась жить на скромную стипендию. И как девчонки по комнате ни уговаривали ее поужинать с ними, она со стеснительной улыбкой вежливо отказывалась.

Поздоровавшись, Люба хотела было уже продолжить поиски масла в других комнатах, но вдруг вспомнила, что Вера родом из поселка Патрасуй и поинтересовалась:

– А ты случайно не знаешь Сетову Марию Григорьевну? Она живет в вашем поселке.

– Как же, знаю. Это моя родная бабушка, мама моей мамы.

– Да ты что! Ты не могла бы рассказать о ней? Это моя тетя – сестра моей бабушки в третьем поколении. Я составляю родословную, мне это очень надо...

– Расскажу...

И Люба, сбегав за ноутбуком, начала записывать новые сведения о родственниках. То, что Вера оказалась ее сестрой, стало приятной неожиданностью. Девушки долго беседовали. Люба, просматривая рассказы сестры, спросила:

– Вера, а ты действительно веришь в то, что общество будущего – это общество доброты? Это же сказка!

– Ну почему сказка? Ты ведь добрая и я добрая, и всех, кто живет рядом с нами, можно назвать добрыми. Если постоянно лелеять мысль: я живу среди доброты, – то твоя вера будет притягивать к тебе только добрых людей, и тогда рядом не будет места для зла. Примерно так и будет формироваться будущее общество доброты.

– Вера, но ведь ты живешь только на стипендию, во всем себя ограничиваешь и ты думаешь, жизнь к тебе добра?

– Да, добра. Человек ко всему привыкает. Раньше, когда мне было лет десять-двенадцать, мое самолюбие страдало от того, что родители не могли покупать нам сладости, хорошо нас одевать. Но я всегда верила, что это все временно, что когда-нибудь буду сама покупать все, что захочу. Сейчас я благодарна судьбе, именно таким и должно было быть мое детство и детство всех моих братишек и сестреночек. Мы привыкли надеяться только на свои силы, помогать друг другу. Мы научились по-настоящему ценить доброту людей, когда-то помогавшим нам, мы благодарны им на всю жизнь.

– Вера, ты не представляешь, как я рада, что у меня появилась еще одна сестра...

Вера предстала перед Любой совершенно в ином облике. Та, которая еще вчера казалась слабой, чересчур скромной, несмелой и нерешительной девушкой, оказалась интересным, уверенным и не по годам мудрым человеком.

...Прозвенел звонок. Закончились занятия. По пути на автобусную остановку подруга Надя, заливаясь смехом, делилась очередными шутками, которые, казалось, рождались у нее, обгоняя друг друга:

– Люба, я придумала, как мы в общежитие ночью придем! Подъедем на тачке, будем в дверь барабанить и орать: «А ну открывайте, свои пришли!» Нет, не так! Мы с вечера спустим из окна связанные простыни, а ночью перепутаем с другими, и заберемся к пацанам на пятый этаж. Вот умора! Нет! Не так...

Она привела бы еще десяток вариантов входа в общежитие, но Люба вдруг резко ее перебила: «Надь, я вспомнила! Сон! Как будто сегодня что-то должно произойти, какое-то событие. В доме стоит гроб, там лежит мой дед, умерший уже три года назад. Вокруг сидят родственники. Ночь. В какой-то момент дед начинает вставать и пытается покинуть домовину. Я в страхе выбегаю из дома и бегу в соседний дом к бабушке. Бегу, чтобы позвать ее. И вот мы с ней уже мчимся по улице, по пути хватаем продукты: сок, масло, конфеты. Бабушка кричит через плечо: «Бери, бери, сколько можешь взять, это необходимо сейчас». И вот мы с продуктами забегаем во двор. Навстречу нам, пошатываясь, идет дед. Увидев продукты, он, со слезами на глазах, начинает жадно есть и, наконец, успокаивается. А со стороны леса появляются темные силуэты людей: мужчин. Они как зомби идут и идут в нашу сторону, их очень много, все тянут руки к еде. Мы быстро раздаем продукты, они едят и тут же исчезают: тают в воздухе. От жалости к ним начинаю горько плакать, я понимаю, что эти силуэты – души тех людей, кто не вернулся с войны и кто воевал рядом с моим дедом. Я плакала навзрыд, мне хотелось, чтобы они подольше побыли на земле, но еда их губила, а они этого не понимали – все просили и просили есть. Получается, мы их как бы поминали, а это поминание возвращало их обратно в иной мир».

Подруга стояла молча и моргала глазами.

– Надя, ты знаешь, у меня такое ощущение, что нужно сегодня кого-то помянуть. У кого бы спросить? – сказала Люба.

И тут раздался телефонный звонок, номер был незнакомым. Звонил мужчина:

– Здравствуйте, меня зовут Андрей Петрович Русов! Я так понимаю, что говорю с Вогуловой Любовью Сергеевной?

– Да, я слушаю вас.

– Извините, мне нужно с вами встретиться по очень важному делу и обязательно сегодня, и обязательно в вечернее время.

– Но, кто вы? И кто дал номер моего телефона? Я вас не знаю...

– Любовь Сергеевна, я не могу сейчас долго говорить, это не телефонный разговор. Извините, не представился – майор милиции Русов. Вы меня не бойтесь. К сожалению, часов до девяти я буду на службе, скажите, куда потом подъехать?

– Я живу в студгородке, в четвертом общежитии. Вы мне позвоните, я выйду.

– Хорошо. В девять двадцать вечера я вам позвоню. Всего доброго.

Люба была в замешательстве. Она уставилась на подругу и слово в слово передала ей телефонный разговор. Весь остаток дня девчонки, пребывая в неведении, ломали голову – что же услышат вечером? Может это чей-то розыгрыш? Дискотека была забыта...

II

Андрей сидел в своем кабинете за письменным столом и, поглядывая на часы, торопливо писал. Сегодня ему, офицеру органов безопасности, работающему по программе борьбы с коррупцией, удалось наконец-таки завершить еще одно уголовное дело.

Все утро он был не в духе, но настроение поднялось в полдень, когда его вызвали на начальственный ковер и сообщили, что дело, над которым он корпел уже второй год, можно смело закрывать. Подобных дел, конечно же, наберется еще с десятков, но завершение каждого — маленькая радость.

И вот теперь Андрей, спешно перечитывая, перепроверяя, листая, сверяя, подписывая, завершал бумажную часть дела. Конечно же, подобная работа не терпит суеты, но подгоняло время. В 9:20 вечера у него встреча, которая должна пролить свет на ставшую вдруг главной проблему: что с ним происходит и почему с ним? Время бежало, вместе с ним в душе нарастала нервная дрожь.

В памяти уже в который раз всплыл тот день, когда его обычная и налаженная жизнь вдруг запнулась обо что-то непонятное и непостижимое для разума. Тогда, как обычно, рабочий день закончился поздно, почти за полночь. Проходя мимо дежурки, ему передали очередной запрос по очередному делу. На улице было холодно, давил морозец. Андрей сел в машину, завел двигатель и не спеша стал знакомиться с документом. В какой-то момент он почувствовал что-то неладное, оно исходило, как ему показалось, от зеркала заднего вида. Андрей не мог найти в себе сил, чтобы вновь

взглянуть на зеркало. Его тело оцепенело, душа трепетала от необъяснимого страха. Что же зацепил его взгляд секунду назад? Подавив свои ощущения, собрав в кулак волю, он глянул в зеркало и встретил взгляд, полный отчаяния и робости. Андрей резко обернулся, еще надеясь, что в салоне машины находится все-таки один. От его движения сидящий на заднем сидении отпрянул, вжался в спинку кресла. Это был дед – щупленький и изможденный. Его волосы и жидкая бородка были белы, как снег. Дед был одет не по сезону, на нем была рубашка и штаны, серые задубевшие от грязи и пота и поэтому кажущиеся холщовыми. «Дед, ты откуда взялся?» – вырвалось у Андрея, но ответа не последовало. Нет, дед что-то пытался сказать, делал какие-то усилия, но никак не мог разжать губ. Он пробовал указать на что-то своей худощавой рукой, но она безвольно опускалась на колени. Из глаз, голубых в молодости, а теперь почти бесцветных, с маленькой точечкой-зрачком, покатались слезы. «Дед, ты кто?» – переспросил Андрей, пытаясь осознать происходящее. В голове проносилось множество вопросов: кто, откуда, как попал в машину? Почему так странно одет? Не сон ли снится? Не сумасшествие ли это? Андрей стал озираться по сторонам, соизмеряя мир за окном машины с тем, что происходит внутри. За окном – зимний ночной город, справа – в голубом свечении здание Югра-Классик, впереди – УВД с улыбающимися счастливыми детьми на огромных баннерах, слева – военкомат. У светофора, несмотря на поздний час, десятки машин, ожидающих движения и движущихся. Как спасительную соломинку взгляд выхватил еще движение:

клубящийся из трубы котельной дым и трепет разноцветных флагов близ автостоянки. За окном привычный реальный мир. А что же происходит в машине? «Да, дед, задал ты мне загадку...», – как можно спокойнее, оборачиваясь, попытался было сказать Андрей, но его слова как будто зависли в воздухе – в машине деда не было. Не поверив глазам, стал лихорадочно обшаривать руками заднее сидение. «Померещилось» – констатировал Андрей, но легче от этого не стало. С дрожью в коленях он вылез из машины, схватил пригоршню снега, принялся растирать виски.

С этой самой поры его жизнь резко изменилась. Он стал жить с таким ощущением, словно у него отняли часть физических сил, мыслей и времени. Он утратил душевное равновесие и спокойствие, в его душу вселилось необъяснимое чувство вины перед дедом. Он очень жалел его, хотел сделать для него что-то доброе и хорошее. Мысленно он вновь и вновь возвращался к тому ночному видению, и ему казалось, что он уже беседует с дедом, возит его по ночному городу, приглашает в свой дом. Мысли день ото дня становились неотступнее. Андрей стал жить ожиданием встречи с дедом. И она случилась и была похожа на первую: дед силился что-то сказать, плакал от бессилия и исчез. Месяц назад была третья встреча, дед сказал несколько слов не на русском языке, и, видя, что остался непонятым, закрыл глаза ладонями, несколько раз всхлипнул и также исчез, словно растаял в воздухе.

Андрей мучился. Он чувствовал какую-то особенную сопричастность к происходящему, ведь неспроста дед «приходит» к нему и пытается что-то сказать.

Беспокойно и свое психическое состояние. Он стал сторониться сослуживцев, старался мало бывать дома, боялся, что кто-то вдруг заподозрит его в болезни, и тогда его ждет лечение в психбольнице. Успокаивало только, что чудеса случаются на свете. Вон и по телевизору, как специально, показывают передачи о необъяснимом и таинственном. Эти передачи шли и раньше, просто на них не обращалось внимание.

И вот вчера случилась еще одна встреча. Андрей, проработав до позднего вечера, прогрел машину. Вдруг что-то, похожее на шелест листьев, прощуршало у уха, в сознании прозвучали слова: «Тебя ждет дед...» Машинально бросив взгляд в сторону звука, увидел за дверным окном маленький черный шарик. Он висел в воздухе, затем, отчетливо видимый в свете уличного освещения, медленно поплыл на противоположную сторону автостоянки. Шарик остановился и, как показалось, упал на землю. Андрей выскочил из машины, побежал к тому месту, но ничего не увидел.

Посмотрев в сторону своей машины, увидел улыбающихся с плаката детей – «новое поколение Югры». Стоп! Справа – театральный комплекс, слева – военкомат. Андрей понял, что именно на этом месте стояла его машина во время всех встреч с дедом. В радостной догадке он бросился к автомобилю и перегнал его на указанное место. Стал ждать. Наконец, оглянувшись в очередной раз, увидел деда. Чтоб не спугнуть таинственного гостя, Андрей решил молчать. И вот в тишине зазвучали слова: «Нучка, мой нучка учиться, Люпа Вокулова, мой нучка савтра ната тут». Андрей утвер-

дительно кивнул головой, на всякий случай спросил: «Зачем?» Дед поднес руку к груди, сказал: «Тут польна. Нучка мой Люпа Вокулова, ната савтра тут». «Не переживай дед, сделаю...», – но деда уже не было.

С утра Андрей обзвонил студенческие отделы кадров учебных заведений и нашел студентку третьего курса Югорского университета – Любовь Сергеевну Вогулову. Созвонился с ней, договорился о встрече, и скоро, очень скоро они увидятся. Поймет ли она его? Этот вопрос беспокоил его целый день.

В условленное время он был у студенческого общежития. На крыльце стояли две девчушки, увидев человека в милицейской форме, сами подошли к нему. «Здравствуйте, вы Андрей Петрович? Я – Люба», – сказала одна из них. «Здравствуйте, очень рад знакомству. Наш разговор будет на не совсем обычную тему. Он будет о Вашем дедушке. Вы должны меня выслушать. И я хотел бы рассказать только Вам одной...» – так, сбиваясь и волнуясь, Андрей начал свое объяснение. Надя, не заметив никакого подвоха и опасности для своей подруги, запомнив номер машины, ушла в общежитие.

...Люба внимательно слушала. Ей не нужно было долгих разъяснений и просьб поверить в то, что случилось. Выслушав сбивчивый рассказ Андрея, спросила:

– Мне сейчас нужно встретиться с дедушкой?

– Да, сейчас.

– Ну, тогда поехали.

Место на автостоянке, где проходили встречи Андрея с дедом, было свободным. Поблизости машин тоже не было. Андрей спросил у Любы, не передумала

ли она, девушка твердо ответила: «Нет!», и он, оставив ее, ушел в здание милиции.

Люба стала ждать и в какой-то момент почувствовала Его присутствие. Боясь выдать свой страх, ниже опустила голову, напряглась, давая тем самым понять о том, что она чувствует присутствие своего прадедушки. И тут зазвучала родная мансийская речь: «Агикве, ам нангын ляххал тотнэ магыс вовыслум... Доченька, я тебя позвал, чтобы ты знала и рассказала родственникам, что мы есть...»

И Савелий, тот прадед, что был репрессирован в 1937 году, поведал правнучке свою историю.

III

...Савелий со своей большой многочисленной семьей жил на Горностаевой реке. Его деревня в три дома называлась Нярпавыл. Отдельными домами жили сыновья Дмитрий и Алексей с семьями, хозяйство же было совместным. Зимой промышляли зверя, на лето выезжали на Обь. Там у них были свои плавные пески. В последние годы присматривать за домами оставался отец Савелия – старый Никита с кем-нибудь из внуков, кто мог уже самостоятельно управляться с запорами на речках. На Обь выезжали до 1920 года, потом стало опасно. В лесу объявились незнакомые люди, манси их называли «оям руцит» – «беглые русские». Савелий не понимал, от кого они бегают и скрываются в тайге, для него все русские были равны. Он относился к ним с боязливым почтением, никогда не перечил. Обычно незнакомцы спрашивали еду и одежду, взамен обязатель-

но что-нибудь давали: серебряное колечко, крестик или иконку. Но однажды по пути с Оби в верстах ста от дома русские грозя оружием забрали у него лодку-калданку. После этого случая семья перестала выезжать на Обь.

От двоюродного брата Савелий слышал, что зимой 1919 года в деревне Яныгпавыл стреляли. Сначала приехали на лошадях русские из Березова. Они сказали жителям теплее одеться и уйти подальше от деревни, сами же на оленной дороге, называемой еще «царской», устроили засаду. Вскоре показались другие русские, и началась стрельба. Сколько людей там было и сколько погибло, то неизвестно, но к вечеру жизнь в деревне шла уже своим чередом.

Деревню Савелия тоже посещали «беглые русские». Но чаще, пытаясь остаться незамеченными, они спускались вниз по реке в ночное время. Савелий, заслышав приглушенное рычание своих лаек, вскакивал с постели, подбегал к окну, выходящему к реке, и его взгляд сразу выхватывал из полусумрака белой ночи плывущий вдоль противоположного берега маленький плот. Обычно люди сплавлялись по двое-трое. Савелий терялся в догадках: от кого они прячутся и как попадают в верховья реки? С севера и востока непроходимые болота, а через Урал поблизости есть только один перевал, от него до Горностаевой реки две дороги: старая, труднопроходимая, находящаяся в верстах семидесяти отсюда и новая, которая выходит к реке недалеко от его деревни. Почему же люди пробираются только старой дорогой? У Савелия было двойное чувство к ним: с одной стороны, он искренне жалел их — раз скрываются, значит, боятся, а страх плохой спутник в жизни;

с другой стороны, проникался все большим уважением к ним, терпящим непомерные трудности таежных переходов. Ему всегда казалось, что в тайге способны ориентироваться только местные жители...

Впервые незнакомцы появились в деревне Савелия значительно позже, в июле 1933 года. Их было двое, они вышли из леса. Несмотря на июльский зной, были одеты в длинные шинели, старые и истрепанные. Лица и руки до крови изъедены комарами и мошками. Изнуренные жарой, голодом и усталостью, мужчины еле держались на ногах. Савелий, унимая собак, показал им на дверь своего дома. Мужчины вошли, а он метнулся к костру, подкинул дров, повесил котел с водой. Сказав женщинам приготовить еду, пошел к гостям. Но незнакомцы, упав навзничь на застланные оленьими шкурами нары, уже спали беспробудным сном. Весь день хозяин, оберегая сон уставших людей, следил за тишиной. Внуки, обычно вечерами собирающиеся у центрального очага деревни – у костра бабушки Савелия, вынуждены были развести костер-дымокур под горой у речки. Оттуда их шум не доносился до дома Савелия.

Проспали незнакомцы без малого сутки. На следующий день, отведав свежей ухи, мужчины ушли к песчаной отмели, долго купались-отмывались в заводи, стирали и сушили одежду. Время от времени пристально вглядывались в речную даль, изредка поглядывали на деревенских, наблюдавших за ними. После купания, тот, что постарше, подошел к сыну Савелия – Дмитрию и сказал: «Нам здесь нужно пожить дней десять, затем мы уйдем. Понимаешь?» Дмитрий, виновато улыбаясь, пожимал плечами. Подошел Алексей, из всех род-

ственников он один мог изъясняться на русском языке. Незнакомец объяснил, что в течение десяти дней к ним должны подойти еще два человека, затем все покинут деревню. Он попросил, чтобы об их присутствии не знали за пределами селения. Алексей, как мог, как умел, заверил его, а затем на семейном совете с отцом решили: если деревню кто-нибудь посетит, то пришлые на время будут уходить на озеро, там есть охотничья избушка. Их будет сопровождать средний сын Алексея – Яков, он тоже немного знает русский язык.

У Дмитрия уже второй месяц тяжело болел сын Иван. Он не поднимался с постели, его постоянно знобило, он мучительно и подолгу кашлял. Один из русских внимательно осмотрел ослабленного, почти умирающего ребенка, погладил его по светленьким волосенкам, ласково произнес: «Выкарабкаемся, сынок», и пошел в верхний конец деревни, туда, где начинались покосы. Его долго не было, пришел с пучками разнотравья и начал готовить отвары. Днями и ночами он не отходил от больного, отпаивая его снадобьями...

Спустя неделю в деревне появились еще двое. Весь вечер все четверо просидели у костра, что-то рисовали на песке, обсуждали, иногда чуть громко, иногда переходя почти на шепот, порой доходило до споров. Когда с рыбалки приехал Алексей, русские позвали его в свой круг. Выслушав, он пошел к отцу: людям необходимы лодка и съестные припасы, уезжают они этой ночью, врач же остается в деревне до тех пор, пока не поправится сын Дмитрия.

Начались сборы. Жена Савелия с невестками сложили в берестяной короб свежее испеченные хлеба, вяленую

и соленую рыбу, сушеное мясо, соль и спички. В полночь трое мужчин, оттолкнув от берега лодку, отправились в путь... Врач пробыл в деревне еще с месяц, а в конце августа Дмитрий, благодарный за спасение сына сам сопровождал его в местечко, называемое русскими «Культбаза». Для манси оно звучало как «Кульбаза», и они боялись нового поселка, построенного в местах, где им нельзя ступить. Они знали, что в далеком прошлом там в реке жил Куль – властелин мира мертвых, он насылал болезни и смерть. Там где жил Куль, вода кружилась и пенилась, водовороты затягивали в себя даже лодки. Этот участок реки люди преодолевали со страхом и трепетом, подносили дань духу. Однажды, пожалев людей, с самого высокого неба спустилась птица Корса и схватила Куля. Она понесла его вдаль от реки, но он был тяжел и огромен, его хвост волочился по земле. Куль извивался, изворачивался, и вскоре упал на землю. Там, где он упал, появилось озеро – Культур, а где волочился хвост – речка, несущая свои воды из озера в реку. Много веков прошло, но вода в реке по-прежнему кружится и пенится...

Дмитрий знал протоку, по которой в половодье люди огибали запретный участок реки, по ней незаметно и миновал ставшее уже многолюдным село. Путь, который он преодолел туда и обратно, был в пятьсот верст.

В начале декабря 1937 года в деревне Савелия вновь появились русские. Они приехали на трех оленьих упряжках, каюрами у них были манси, один из них жене Савелия приходился двоюродным братом. Прибывшие именовали себя «Красный чум». В большом доме Алек-

сея они собрали всех жителей Нярпавыл, рассказывали о событиях в стране, говорили о том, что дети должны обязательно учиться в школе и жить в интернате, привезли газеты и плакаты, затем поставили киноустановку и показали черно-белое кино. Взрослые и дети впервые видели, как на белом полотне беззвучно мелькали люди, улыбались, трудились, махали кому-то руками; впервые видели, что бывают дома, окна которых находятся друг над другом, и ломали голову: удобно ли это? Впервые видели транспорт, который может ездить без помощи оленей и лошадей. Много еще интересного и удивительного узнали жители деревни всего за один лишь день своей жизни...

Но наступило завтра – ясный, солнечный, морозный день. Утром по деревне разнеслась страшная весть: убили представителя «Красного чума». Савелий первым обнаружил убитого, вернее, висевшего на ветви расколотой молнией одиноко стоящей осины, человека. Выйдя на рассвете из дома, долго присматривался к нему подслеповатыми глазами, казалось, что человек стоит и справляет нужду. Прошло время, и забеспокоился Савелий. Не зная, что предпринять, покашливая и покрхтывая, давая тем самым знать о себе, он неуверенно засеменял в его сторону по его же следам – единственной тропке на снежном покрове. Подойдя ближе, узнал своего родственника. Несколько раз окликнул его, прежде чем осознал ужас случившегося. Не доходя метров пяти до висевшего, не зная, что предпринять, стал озираться по сторонам, затем, побежал в дом Алексея, туда, где разместились на ночлег представители Совета...

И мгновенно над семьей Савелия ступились непомерно тяжелые свинцовые тучи, и словно не было вчерашнего дня, веселья, радости, удивлений. Словно не было мирной жизни, которой жили люди на этом месте уже не одно столетие. В один миг жизнь большого семейства рухнула, подобно дереву, в секунды сраженному молнией. Напрасно Савелий пытался доказать, что след, ведущий к осине, был единственным, значит, человек сам наложил на себя руки, но его слова никто не слышал. Напрасно пробовал рассказать о том, что с вечера родственник жаловался на мучительные и невыносимые головные боли, но эти слова не были услышаны. Уже к полудню, обливаясь слезами, женщины прощались со своими мужьями, сыновьями, внуками, обвиненными в убийстве. К трем оленьим упряжкам, по велению советчиков, добавились еще четыре – упряжки Савелия, Дмитрия, Алексея и восемнадцатилетнего Якова.

Сначала арестованных доставили в Березовскую тюрьму, в начале января 1938 года они были уже в Остяко-Вогульске. Савелий от всего сердца надеялся, что здесь их оправдают и отпустят домой, он искренне верил, что в городе начальство намного грамотнее и справедливее. Несколько раз его вызывали на допрос, следователь по фамилии Русов, стуча по столу кулаком, задавал один и тот же вопрос: «Кто первым сказал убить представителя Совета, кто организатор преступления?» Савелий, дрожа от волнения и страха, отвечал: «Нет-нет, сам, сам...»

С сыновьями и внуком их держали в разных камерах, виделись они всего несколько раз, мельком. Встречались взглядами, полными тоски и отчаяния, поддержи-

ки и любви. Много было разных людей в тюрьме: русские, ханты, коми, и, наверное, и других. Савелий встречал земляков-манси, родственников, ему очень стыдно было представлять перед ними в образе врага народа, но лишь разговорившись, выяснялось, что совесть у всех была чиста.

Для Савелия и всех, кто делил с ним участь, все, что вчера казалось обычным и обыденным, предстало вдруг сказочным, волшебным, чарующим. Сто раз он низко поклонился бы жене за ее каждодневные заботы о семье, целовал и баловал бы внучат, говорил бы хвалебные слова сыновьям. Много не успел сказать, сделать, показать. Смогут ли внуки найти мужские модельные места, совершат ли правильно обряды? Найдут ли в тайге многочисленные петли и капканы, сумеют ли прокормить родных? Вовремя ли установят на реке запоры, не выпустят ли рыбу? Сохранят ли свое небольшое поголовье оленей? Много было вопросов, воспоминаний и снов, но была и явь: допросы, пытки, голод и холод.

Самым страшным и тяжелым — а для многих отчаявшихся и долгожданным — стал день 21 января 1938 года. Людей, выстроив в шеренгу, из тюрьмы повели к овощехранилищу. Все, более ста человек, знали, что это их последний путь по родимой земле. Савелий шел в середине колонны-очереди, искал родных. Глаза отчего-то сильно слезились, руки и ноги дрожали. Идущий впереди мужчина, вдруг схватившись за сердце, упал на колени, затем завалился набок. Подбежавшие конвоиры, пытаясь поднять, сказали: «Готов» и оттащили его в сторону. Ошеломленный увиденным, Савелий оглянулся,

словно ища объяснения увиденному. Шедший за ним худой высокий светловолосый человек с улыбкой произнес: «Ничего, дед! На том свете встретитесь». Улыбка русского человека вернула Савелию спокойствие, и он рассудительно стал готовить себя к вхождению на тот свет. Расправив плечи, приняв смиренное выражение лица, он мысленно стал прощаться со всеми родственниками, с охотничьими и рыбными угодьями, лесами, реками, озерами, благодарить за счастливую земную жизнь всех духов-покровителей. Он уже слышал одиночные выстрелы, крики, плач, рыдания; войдя в овощехранилище, уже видел, как к каждому обреченному подходили их палачи, приставляли к затылку наган, и люди, как подкошенные падали навзничь. Происходящее словно потеряло свою реальность. Савелий был уже в другом мире: видел мать, которая с радостью готовила удобное место на оленьей упряжи своему сыну. Рядом, на других оленьих упряжках, в добротных малицах, восседали, готовые тронуться в дальний путь и поджидющие отца, сыновья Дмитрий и Алексей, внук Яков...

Наступила тишина. Люба, наконец, оглянулась на заднее сидение, но там уже никого не было. Ее охватило отчаяние: ведь она так и не успела увидеть прадеда, сказать что-то, спросить... Слова. Нужны ли они? Сердце разрывалось от жалости, сострадания, обиды за тех, кто погиб, казалось бы, в мирное для себя время. Все свои невысказанные слова, не свершившиеся надежды и чаяния, чувства и мысли люди унесли с собой.

Люба вышла из машины и пошла по улице Мира. Сквозь слезы она видела радужное свечение многочисленных огней ночного города. И это казалось ей салютом в честь безвинно убиенных. Салют был без залпов орудий, вместо этого откуда-то из-под земли доносились и доносились стоны.

IV

За годы репрессий на территории Остяко-Вогульска было безвинно убито 923 человека. Похоронены на старом заброшенном картофельном поле в треугольнике улиц Ленина, Мира и речки Вогулки.

Много лет прошло с тех пор. Люди покоятся в братской могиле, увенчанной огромным памятником – современным зданием из стекла и бетона, названным концертно-театральным комплексом.

Я ХОЧУ ДОМОЙ

Сегодня 7 июня 2025 года. Мы попали в аварию. Вероятно, произошел какой-то сбой в системе магнитного управления, и нашу машину выбросило, как мне показалось, на обочину дороги. Так мне показалось, ведь обочин вдоль трасс давным-давно уж нет, с той самой поры, как дороги стали с магнитным покрытием, с той поры, когда мы стали на машинах не ездить, а летать. И вот, совершенно неожиданно мы слетели с трассы. Наверное, такого случая еще не было в истории магнитомобилей!

Интересно, живы ли мы, здоровы? Наверное, да! Сознание ясное, боли нигде не ощущается, руки-ноги в норме, двигаются. За стеклами машины – песчаная буря, в салоне, вместо классики – громкое шипение из динамиков. Ты убрал звук, спросил: «Не поранилась?» «Нет», – сказала я.

– Тогда порядок! Пора осмотреться, что приключилось.

– Может, попробуем выйти из машины?

– Наверное, можно уже, это мы с тобой бурю устроили. Она уже стихает...Боже, что это?!

От твоего возгласа сердце мое содрогнулось. Сквозь стихающую бурю я сама уже видела: мы были в самой настоящей пустыне. Песок, настоящий желтый сухой песок, его много и он везде. Куда ни кинь взор, кругом дюны и барханы.

Не веря своим глазам, мы выходим из машины. За нами высятся холмы, на них виднеются какие-то одиночные искореженные строения, у основания холмов тоже строения, напоминающие коробки высотных домов.

– Куда же мы попали?

– Пока еще не знаю, – ответил ты. В твоём голосе звучала тревога. Она передалась мне. Я вцепилась в твой рукав, словно ты собирался от меня сбежать. Мной овладел страх. Мелькнула мысль: это же сон, это начало кошмарного тревожного сна. Нужно срочно просыпаться... Я стала кусать себе запястье, чувствовала боль, но пробуждения не было: все тот же вид, все те же звуки.

– Ты слышишь звуки? Откуда они?

– Какое-то шуршание, от песка может быть... Дак это же шелест пакетов. Смотри их сколько...

Пакеты, вблизи и вдали, повсюду виднелись лохмотья полиэтиленовых пакетов. Некоторые колыхались на ветру, зацепившись за железные пруты, торчащие из песка, некоторые, как перекаати-поле носились по песчаным просторам, а те, что полегче, словно птицы, парили в синем поднебесье.

– Тебе не кажется это место чем-то знакомым?

– Нет, я в пустыне никогда не была. А как мы могли тут оказаться? Ты что-нибудь понимаешь?

– Во-первых, отпусти мою руку и успокойся. Во-вторых, сейчас мы сядем в машину и будем думать.

В машину, конечно же, в машину. Я быстро села на свое кресло, захлопнула дверцу. Сейчас ты щелкнешь тумблером, включится двигатель, и мы поедем домой. Домой, я так хочу домой... Я закрыла глаза...

Нет, ты пытался включить двигатель, слышала, как несколько раз ты загружал программу, но я знала, что наша машина не включится. Даже если она и включилась бы, мы не могли бы двигаться без магнитной полосы...

У меня дрожали колени, меня трясло. Мозг отказывался воспринимать действительность. Действительность ли это?

– Может, мы не живые? Может, мы на том свете?

– А ведь похоже на то. Если так, то пока еще и не очень плохо. Мы можем думать, говорить, ощущать друг друга. Ну-ка, ущипни меня... Тут что-то другое. Либо мы сбились с курса времени, либо с курса пространства. Третьего не дано. Но как это возможно? У нас ведь не машина времени, а самый простой мобиль. Значит, чудеса все-таки бывают. Надо как-то выбираться из этого чуда-юда, если такое возможно. Где твой телефон?

– В кармане.

– Ну-ка, попробуй, позвони мне, мой куда-то улетел при посадке.

Дрожащими руками я достала телефон, набрала тебя. Секунда, две, три, бесконечность... И тут мы оба вздрогнули: между нашими креслами тихонько завибрировал твой телефон. Теперь руки дрожали и у тебя.

– Привет!

– Привет!

– Ты где?

– А ты где?

И ты стал смеяться, громко и отчаянно. Тебе было не смешно, тебе было тревожно. Смех твой был таким же неестественным, как этот мир за окном. Я испугалась.

– Успокойся, прошу тебя, не пугай меня...

– Ты что, ты не понимаешь? Ведь если есть связь, значит, спутник воспринимает сигнал, а это значит, мы можем позвонить домой. Звони дочери, нет, я сам позвоню.

И снова секунды ожидания превратились в вечность: одна, две, три, четыре... И, наконец, ответ, но он не обрадовал нас: «Аппарат абонента недоступен», «The mobile telephone is not available»; «Аппарат абонента недоступен», «The mobile telephone is not available»... Ты выключил телефон, ты был бледен, растерян, подавлен...

– Знаешь, что я сделаю, – промолвил ты, – я отправлю сообщение. Вдруг она получит его, и сама позвонит.

– Отправь, – безучастно сказала я. – Может и получит...

И тут, осознав, что вот уже несколько минут я наблюдаю за рассеивающейся на небосклоне полоской дымчатого следа от реактивного самолета, заорала: «Смотри, смотри, самолет!». Мы выскочили из машины и побежали. Наши ноги вязли в песке, мы падали, поднимались, бежали, и снова падали... Не знаю, сколько мы еще бежали бы, но вдруг увидели другой самолет, он летел в другую сторону, мы слышали его гул. В наших сердцах затеплилась надежда. Торопливо мы стали карабкаться на очередной холм, но то, что мы потом увидели, повергло нас в шок!

Лучше бы этого не видеть! Мне кажется, ты тоже был в обмороке, потому что когда я стала приходить в чувства, увидела тебя, пытающимся подняться на ноги. Ноги твои подкашивались, и поэтому ты встал на колени. Я не могла подняться, тоже встала на колени. Наверное, со стороны мы были похожи на молящихся.

– За что нас с тобой покарал Всевышний?

Твои слова прозвучали как приговор.

Там, на той стороне, куда были устремлены наши взоры, уже начинало садиться солнце. Небо было

окрашено в багрово-красный свет, предвещая на завтра штормовую погоду.

А перед нами, подсвеченный предзакатным солнцем, стоял, а может, лежал на песке мост, тот самый красный мост – дракон, который был построен в Нашем городе в начале двадцать первого века. Сейчас он тоже казался красным, может от ржавчины, может от заходящего солнца, а еще показался необычайно маленьким среди огромной желтой пустыни.

– Все, дорогая, приехали. Наше завтра закончилось... Мы находимся в своем городе, но мы приехали в будущее, и притом, не в очень далекое. Может, лет на десять вперед соскочили, а, может, пятнадцать? Значит, не зря так суетились власть имущие, когда закончились запасы нефти и газа. Стало быть, был запущен проект по переброске наших рек в бассейн Аральского моря. Вот мы первые и приехали в наше будущее, поздравляю! Только извини, цветочков нет, нет шампанского и музыки.

Ты пытался шутить, и мое отчаяние вдруг сменилось спокойствием. Музыка? Музыка есть! Я смотрела на мост, на его конструкцию. Это творение человеческих расчетов было похожем на музыкальный инструмент, может быть орган, который среди безжизненного пространства наперекор времени исполнял свою, пока еще незаконченную симфонию. Казалось, что у моста, некогда исполина, возвышавшегося над величавыми водами Иртыша, есть душа. Она еще жива, жива воспоминаниями. Я человек, и у меня есть душа, и есть воспоминания, и должна быть вера в завтрашний день. Но я сегодня хочу во вчера.

– Я хочу домой.

АВТОБУС

Мне на работу нравится ездить на общественном транспорте, больше всего – на автобусе. Остановка моя – одна из первых на маршруте, и поэтому всегда есть свободное место. Удобно устраиваюсь в кресле и, глядя через окно в никуда, «ухожу» в мир своих мыслей. Сначала, словно испугнутый воробышек, мелькнет мысль: автобус большой, скорость небольшая, значит, возможность аварии маленькая. Утвердив таким образом надежность и защищенность поездки, мысли вдруг разлетаются стаей испугнутых ворон: так, газ выключен, чайник выключен, утюг... утюг выключен, телефон, тьфу, телефон забыла дома, деньги взяла, может второпях юбку не надела? Нет, юбка на мне. Вскоре стая ворон успокаивается – усаживается, ну, допустим, на дерево. Каждый черный силуэт тут же становится галочкой-напоминанием о предстоящих делах: первая галочка – после лекций забежать в редакцию; вторая – позвонить в отдел кадров; третья – дописать статью... Но птиц не так уж много, и мысли о предстоящих делах заканчиваются. И здесь начинается самое приятное, ровное и даже таинственное, возможно то, ради чего езжу общественным транспортом: я приступаю к фантазированию, иногда – к философствованию. Мысли неторопливо и уверенно взмывают к небесам и, словно клин белых лебедей, летят все дальше и дальше...

Сегодня стала украдкой наблюдать за попутчиками, неожиданно ловлю на себе внимательный и пристальный взгляд младенца. Кажется, что он разглядывает мою душу, ее светлые и темные стороны. Становится

не совсем уютно, ведь то, что я в себе ношу, лелею, берегу, порой положительным и не назовешь... Интересно, что думает малыш? Попробую ему улыбнуться, пусть посчитает меня доброй тетей. Улыбнулась ребенку, однако его взгляд стал еще пристальнее.

Я отворачиваюсь...

Рядом со мной стоит группа молодых ребят – студентов. Они умны, образованны, любознательны, обсуждают непонятные компьютерные программы, многие слова для меня новы. Когда ребята пошли к выходу, один из них, наверное, шутник и приколист, сказал: «Остановите землю, я сойду». Эту фразу я слышала и ранее. Она не нравится мне. Когда услышала в первый раз, удивила способность человека смело, дерзко и парадоксально мыслить. Затем заинтересовала картинка: остановился земной шар и человек, оттолкнувшись от земли, ступил в пространство – пустился в путешествие по Вселенной. В целом же мысль кажется кощунственной по отношению к матушке-земле, безостановочно везущей на себе миллиарды и миллиарды пассажиров. Фраза, брошенная кем-то просто так, меня страшит, так как слово имеет способность к материализации...

Ну, да ладно, попробую и я сопоставить несопоставимое: пассажиров земного шара и этого автобуса. Кто они, эти люди? С какими мыслями живут? Что их ждет впереди? Читать чужие мысли – интересное занятие.

Напротив меня сидит пожилая женщина, с такими же чертами лица, как у меня. Она показала кондуктору пенсионное удостоверение и ушла в свои думы. Сначала она думала о деньгах, на которые предстояло купить лекарства для мужа, вернее не совсем о деньгах,

а о безденежье. До пенсии еще девять дней, кажется, что мало, но когда нет денег, эти дни будут тянуться долго-долго. А ведь за это время к ней три-четыре раза придут внуки, дети, столько же раз забегут знакомые, и еще могут приехать родственники. Угостить всех хочется чем-то вкусненьким, сладеньким. Конечно, в запасе есть домашние заготовки, но внуков хочется баловать магазинной едой в ярких красочных упаковках.

Внуки, дети... при мысли о них глаза женщины засияли, уголки губ приподнялись, плечи расправились. Она с превеликой нежностью подумала о них – обо всех сразу. Дальше этого свои мысли она не пускает. Если допустит дальше, то дети начинают беспокоиться. Зачем их зря тревожить?

Облик женщины говорил о том, что родилась и жила она в живописном крае – крае белых лебедей. В ее семье соблюдаются и передаются традиции, унаследованные от родителей. В скором будущем женщина переедет в сельскую местность, поближе к своим истокам.

В автобус важно и чинно вошел мужчина-славянин, лет сорока. Одет он, как говорят, с иголочки. Немного полноват, лысоват, слеповат – страдает близорукостью. Во всеуслышание спросил: «Кондуктор, сколько стоит билетик?» Получив ответ, достал свой толстоватый бумажник, поднес к глазам, прощуршал деньгами. В отличие от многих пассажиров, безучастно смотрящих в окно, встал спиной к окну. Время от времени, особенно когда автобус подбрасывало, искал чей-либо любопытный взгляд и всей своей позой и внешностью как бы говорил: «Я здесь случайно, у меня шикарная машина...»

Мысли этого человека периодически возвращают-

ся к поступку, который он совершил и сейчас. У него было тайное свидание с любовницей – лучшей подругой жены. Общественный транспорт в его биографии – это тактический ход, чтоб не «засветиться». Мужчина доволен своим положением мужа и любовника, это возвышает его в его собственных глазах. Правда, в последнее время приходят и тревожные мысли: как быть дальше? Любовница намекает на совместную жизнь, а это не входит в его планы. Он считает себя хорошим семьянином, дорожит женой и сыном. Сын – это его гордость. Да и как воспримут перемены престарелые родители? Нет, нужно завязывать... Но как?! Жена часто приглашает подругу в дом, делится секретами...

На остановке мужчина понуро выкатился с автобуса, унося с собой невеселые мысли о своем будущем: семейных разборок ему не миновать.

Волоча большую клетчатую сумку, в автобус с трудом вошла женщина, как говорят «кавказской национальности». Никто из пассажиров не обратил на нее внимания, все были заняты своими мыслями. Да и женщина, судя по внешнему виду, интереса не представляла... Ее одежда, осанка, выражение лица и большая клетчатая сумка говорили о том, что ехала она в студенческие общежития в надежде продать немного вещей, хотя бы носки – самый ходовой товар. Конечно, на них много не заработаешь, но общежитий в городе достаточно, и она не пожалует ни времени, ни сил, лишь бы к вечеру рассчитаться за комнатку в балке, иначе хозяин грозит выселить ее с детьми.

Найдя свободное место, отдышавшись, женщина ушла в свои невеселые думы: в юности, встретив будуще-

го мужа, надеялась, что вместе они на всю жизнь. Чтобы скопить денег на строительство дома, муж уехал на Север, зарабатывал продажей сигарет. Десять лет не приезжал на родину, нашел себе другую. Женщина сама воспитывала двух сыновей и недавно приехала в этот город, но мужа здесь не оказалось. Она сняла жилье, начала торговать вразнос, сыновья пристроились к родственникам, торговавшим на рынке. О школе и думать не приходится: нет прописки – нет человека. Женщина не отчаивается, будущее детей видит светлым и чистым. Когда-то и они встанут на ноги: откроют магазины, накопят денег и тогда и заживут все они на зависть родственникам и знакомым. Так думала женщина, и в ней росла уверенность, что сегодня она продаст весь свой товар.

За моей спиной слышалась незнакомая речь, наверное, таджикская. Оглянувшись, увидела нескольких ребят, смугленьких, чернявых, довольно-таки симпатичных и более-менее скромных, не то, что другие «гастарбайтеры», вроде так их называют. В городе их очень много. И ведут себя пришлые очень уж самоуверенно и вольно, как будто не они у нас, а мы у них в гостях... Те, что находились за моей спиной, разговаривали вполголоса. И это не раздражало людей, не мешало им продолжать свои думы...

Неожиданно автобус огласила громкая речь азербайджанца или дагестанца, одним словом – кавказца. Молодой человек, не обращая никакого внимания на пассажиров, громкогласно возмутился: «Алё, Алё, Маша, да! Как я тэбэ еду, да! Ты же вчэра казал Сургут ехал, да! Ты мэнэ лох дэржишь, да! Ты мэнэ обманул, да! Пошла ты, Маша, да!» Пассажиры встрепенулись, еле скрывая

свои улыбки. Монолог был комичным и от души искренним. Эх, Маша, Маша...

Жаль, но мне нужно покинуть автобус. Распахнулись двери, и я ступила в осенний, светлый, но уже прохладный денек. На душе радостно. Иду по улице, на лице улыбка. Попробую сопоставить пассажиров этого автобуса и земного шара. Для начала, чтобы судить о населении земли, увеличу количество моих попутчиков в миллионы раз. Многовато людей получается. Все они такие разные: молодые и старые, худые и толстые, высокие и маленькие, белокурые и черноволосые, красивые и некрасивые, трусливые и смелые, умные и глупые, порядочные и не очень. При всем многообразии люди все-таки способны жить в мире и согласии. Радует, что в автобусе, независимо от национальности, все терпимы друг к другу, чего, впрочем, не скажешь о людях всего земного шара. Ведь где-то идут войны. Так что, в некоторых автобусах-то, оказывается, ездить опасно, возможны конфликты. Грустная получается картина. Так и хочется сказать: «Люди! Автобусов много, но земля-то одна – маленький, освещаемый солнцем голубой шарик среди безграничного холодного черного пространства Вселенной. И если он остановится, то ступить там уж точно некуда, хотя, можно и полетать... Но мягкой посадки вам никто и ничто не гарантирует».

Интересно, воспринимается ли сегодня фраза: «Люди, будьте терпимы друг к другу». В век нанотехнологий – это должно уже звучать как детский лепет, ведь познания людей ушли далеко вперед. Однако фраза, хоть и несовременна, но актуальна. Вон и на стене дома какой-то обидевшийся умник написал: «Россия для

русских», а если я сейчас подойду и допишу: «А Ханты-Мансийский округ для ханты и манси», и что будет?

А вот и моя работа – университет. Поднимаясь по лестнице, думаю о том, что у каждого человека есть или была мама, есть или было детство, у одних яркое и красивое, у других чем-то омраченное. Детство откликается во взрослой жизни, но не тем, каким оно было, а тем, что ребенок сумел в себя впитать. И если рядом с ним находились доброжелательные, тактичные, умные, спокойные, целеустремленные взрослые, то в будущем этими качествами будет обладать и он. И такой человек никогда не будет страдать нацизмом, ибо он будет знать, что мы все, подобно листьям деревьев, соединены между собой ветвями, маленькими и большими, которые в свою очередь переходят в ствол и корни. Дерево растет на земле, значит, без земли и вне земли ни дереву, ни человечеству не выжить. Сверху светит солнце, дарит свет и тепло. И должна быть отдача. Свет должен вдохновлять на ученье, а тепло – это любовь, забота, внимание, в первую очередь, к своим детям. Мысли о них – самые главные на земле, они единят людей всего мира. Те люди, которые ехали со мной в автобусе, наверное, думали о самом главном, о своих родных и близких. И я об этом думаю, после работы пойду в магазин и куплю внукам «Киндер-сюрприз».

На этой мысли клин моих лебедей, помахав белоснежными крылами, скрылся за горизонтом...

СКАЗ О БОЛЬШОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Недавно от нас навсегда ушел Большой Человек. Он и вправду – очень большой. Его душа вмещала в себя весь мир от земли до запредельных небес, и нередко витала в таинственном и непостижимом космосе.

И вот он ушел, покинул нас. Нас – это тех, кто по-прежнему остался жить, дышать, говорить, волноваться, улыбаться...

Ушел Большой Человек, он не смог больше находиться среди нас. Он очень устал. Устал от шума, суеты, пустословия. И правда, мы очень много говорим и совершенно не умеем слушать. Мы не смотрим на Солнце и не видим дороги. Именно об этом говорил Большой человек, но так и не был услышан. Однажды он понял, что даже те, кто вроде бы и слушает его, на самом деле просто делают вид... Ему стало очень-очень тоскливо, он почувствовал большую усталость и одиночество.

Чувство одиночества ему известно давно. Это очень грустное, темное, едкое, сосущее чувство безысходной тревоги и отчаяния. Вроде бы оно свое – родное, льющееся из души, но оно терзает, мучает, изводит. У Большого Человека в детстве была мама, она любила его. Он любил ее как Солнце. Он говорил, что его мама – Солнце. Так он ее называл. Но она рано ушла за горизонт и оставила своего маленького сына. Она не хотела уходить, но устала от тяжелой, непосильной работы, и ушла... Без нее душа сына стала одинокой: он долго мучался и хотел уйти вслед за ней. Его остано-

виали Люди, умеющие видеть Мир. Они поклонялись Солнцу – небесному светилу, ведь оно самое главное и основное на белом свете. Эти люди научили мальчика видеть Солнце и слушать себя в этом видении. И он видел его и прислушивался к себе. Так он и стал Большим Человеком. Таким большим, что вблизи и не рассмотреть его всего, а уж понять его величие – и по-давно.

И вот он ушел. Его усталость и одиночество вдруг стали невыносимыми. Он тосковал, а чтобы ему помочь, рядом не оказалось Людей, умеющих видеть весь Мир. Их уже нет среди нас. Они ушли все сразу. Почему? Может потому, что Верховные жрецы запрещали им поклоняться Солнцу, они внушали: «Солнце – это не Бог!», а тех, кто ослушивался – карали огненными стрелами. Поначалу Люди, умеющие видеть Мир, замолчали, но они все равно видели, знали будущее. Оно было сложным и запутанным. Может поэтому они и ушли? А может быть они тоже устали? Перед уходом они передали свои знания Большому Человеку. И вот ушел и он... И никому не передал знания... Почему он не захотел жить в будущем? Наверно, он просто устал от нас – маленьких и несовершенных, постоянно что-то просящих и при этом неслушающих. Устал от невнимания, невнимательности, равнодушия.

Когда Большой Человек жил среди нас, его многие даже боялись. Он умел видеть человека изнутри, а людям всегда страшно, когда их видят насквозь. Одни боялись по причине того, что незаслуженно считали себя большими и опасались разоблачения. Такие люди при нем предпочитали молчать и подобострастно улы-

баться. Другие думали, что именно благодаря им, их власти, снисхождению и терпению, Большой Человек соответствует своему предназначению. Они иногда допускали его до своих каменных кабинетов, расположенных в Главной неприступной крепости. Они усаживали Большого Человека в дорогие кресла и даже предлагали испить чайного напитка. Они гордились тем, что умеют слушать. Однако, слушая Большого Человека, они думали: «Когда же он уйдет?» Страхи этих людей были связаны не с тем, что они видимы душой (ну, подумаешь, душа темноватая), а с тем, что могут сказать что-то невпопад. Тогда уж точно не избежать гнева Большого Человека: его Слово будет греметь громом, сверкать молнией, и даже может разрушить стены их кабинетов, которые с такими стараниями и страданиями им доставались. Вот поэтому они и научились делать вид, что внимательно слушают.

Те люди, которые боялись Большого Человека, не любили его. Они всячески старались избегать встреч с ним. И не только по причине нелюбви, но и потому, что по законам нашего Разобщенного Общества при встречах все должны были низко кланяться Большому Человеку как Избранному. А людям особенно с Главной неприступной крепости кланяться мешала гордыня. Она как заноза сидела в их сознании и руководила ими. Зато они умели скрываться: как только издали увидят Большого Человека, так сразу становились невидимыми. Как им это удавалось, то их тайна.

Однажды Большой Человек заметил, что в каменном городе стало меньше людей. Вокруг себя он видел только незнакомые лица. Он задал вопрос своему про-

воднику: «Куда делась люди?» Проводник был честным и совестливым, он покраснел и опустил голову. Большой Человек хотел было спросить: «Почему?», но ответ на этот вопрос уже знал. Он тяжело вздохнул и сказал: «Мне пора собираться за горизонт». Но прежде он решил попрощаться с несколькими людьми, которые (он втайне надеялся) остановят его. Тогда он останется и будет продолжать свое дело. Однако те, с кем он прощался, кому с тоской и надеждой смотрел в глаза, кому, сквозь ком в горле шептал добрые Слова, не почувствовали его тревоги, одиночества и отчаяния, и не остановили его. Совсем тоскливо стало Большому Человеку и он пошел: шаркающей походкой, медленно, время от времени оглядываясь. Он уходил от нас все дальше и дальше. И вот он уже скрылся за горизонтом...

И тут случилось диво. На арену Главной площади города выскочили люди, те, кто его не слышал, и наперебой стали кричать: «Я буду Большим Человеком. Я самый умный и большой...», «Нет, я буду Большим Человеком. Я самый мудрый и больше всех...», «Нет, нет, я буду Большим Человеком. Я не дурак и больше того, кто больше всех...», «Нет, я!.. Нет, я!... Нет, я!... Нет, я!...» Очень громко кричали и ругались на Главной площади люди. Они поначалу не заметили, как на горизонте вдруг возник силуэт человека. Это был Большой человек. Он медленно приближался и вот он ступил на площадь. Люди его увидели, и наступила пугающая тишина. Кажется, что люди перестали даже дышать, так было тихо. В какой-то момент, когда всех обуял страх, люди, толкая друг друга, стали торопливо спрыгивать

с арены. Всем им стало очень стыдно. Они сбились в кучки поодаль и виновато, исподлобья, как нашкодившие дети, стали смотреть на Большого Человека. Они ждали его Гнева.

И дождались! Большой Человек разгневался. Его лицо стало пунцово-красным, из глаз полетели искры, его руки раскинулись в стороны, он топнул ногою и взревел: «Большими хотите стать? Большими? Так становитесь, кто вам мешает? Кто вам мешает? Но не орите, не шумите. А делайте большие дела и дайте, наконец, мне спокойно уйти. Мне тяжело в этом шуме! Вы, словно дети неразумные, не понимаете: чтобы быть Большим, надо им родиться. Надо много учиться. Надо много видеть и слышать. Будьте самими собой. Не пытайтесь играть чужую роль. Это же унижение самое себя. И, отпустите меня, я устал от вас!» Голос Большого Человека становился все тише и, смолк... Но все еще содрогались земля и небо. Слышался гул, непонятно откуда идущий. Люди, столпившись теснее, озирались по сторонам.

Постепенно гул стих, все успокоилось. Успокоился и Большой Человек. Он понял, что люди, наконец-то, его услышали. Он видел это. Большой человек улыбнулся, глубоко вздохнул и промолвил: «Спасибо вам. Теперь я спокоен. Пойду уже. Любите друг друга, любите жизнь. Живите свою жизнь, слушайте свое сердце, трудитесь как я и ждите. Ждите. Большие Люди появятся среди вас. Только для этого надо научиться видеть Солнце...».

СТИХОТВОРЕНИЯ

на русском языке

Моя неизлечимая болезнь – душа,
Во мне, вокруг меня – унылая тоска,
И прядь серебряная вьется у виска,
Моя неизлечимая болезнь – душа.

Моя неизлечимая болезнь – душа,
Тоска о маме, детях, счастье,
Тоска в предчувствии несчастья,
Моя неизлечимая болезнь – душа.

Моя неизлечимая болезнь – душа,
Судьба, чего ты в жизни хочешь?
И что ты мне еще пророчишь?
Моя неизлечимая болезнь – душа...

1992

С крылом, перебитым в предзимнем пруду,
Я еле держусь на чернеющей ряби,
Пока что жива я средь ветра и хляби,
Пока что я к цели заветной иду.

И вот снегопад... Навалились снега,
И сердце как будто застыло комочком,
Терпеть и страдать, да и жить нету мочи...
И, кажется, миг – и проглотит пурга.

Готова ль смиренно крылья я сложить,
Ну, как же минувешь, что должно случиться,
Тем более ранена вольная птица...
Жизнь прожита? Нет! Я хочу дальше жить!

1992

Загрустило вдруг сердце мое,
Хотя песня любви не допета,
Боль и грусть все же взяли свое
Среди яркого, теплого лета.

Белым лебедем снова хочу
Я лететь в заозерные дали,
Но лишь раненой птицей кричу:
Отчего же чужими мы стали?

Я хотела любимой быть –
Да твой взгляд равнодушия полон,
И лебедушкой, видно, не плыть,
Когда рядом со мной черный ворон.

1992

Все льют и льют осенние дожди,
Осины листья на ветру кричали:
– Ах, дождь не лей, не лей, ну, подожди,
Еще на ветках мы не накачались.

Мы мало пели, мало шелестели,
Мы не дослушали ночную тишину,
Мы многого за лето не успели,
Как лето нам желтеющим вернуть?

Ой, дождь, зачем ты нашу смерть торопишь?
Торопишь нам возврат в небытие?
А может, плачешь ты? Слезами топишь...
Дак в чём предназначение твое?

А дождь все льет под грустный шелест листьев,
Он заведенного порядка вечный раб,
Осеннею порой всегда он будет литься,
Он может быть и сам тому не рад.

Но борется за жизнь трясущийся листочек,
С себя все стряхивая капельки дождя.
Мне жаль тот листик, очень, очень, очень,
И в том листочке вижу я себя.

1992

Я так устала от тоски,
Что льет стихи мне ночью белой,
О, ночь, ты светлые мазки,
В душе моей, молю я, сделай.

Любовь ушла и пустота,
Меня опутывает ночью,
И мысли вялая тщета,
Меня смирить с потерей хочет.

Но я мечусь, как птица в клетке,
Ужель пора любви прошла?
Мне нужен лес, нужна мне ветка,
Ведь я любимой была.

От глаз чужих в ночи не скрылась,
Ведь ночь июньская бела,
Росой холодной умылась,
И вдруг, о, чудо – ожила!

1993

За больничным окном темнота,
Ветер снегом на стеклах играет,
Тихо каплет из крана вода,
И соседка моя засыпает.

А за стенкою – кашель сухой,
У мужчин разговоры о жизни,
И о бойне чеченской – ну, той,
Где сыны погибают Отчизны.

А за стенкою, только другой,
Группка женщин ведет разговоры:
– Стала жизнь, ух, какой дорогой...
Как опасны квартирные воры...

В коридоре стучат каблучки,
Легкий шелест халатиков белых,
Ну, когда же в палату врачи,
К нам придут и подлечат болезных.

Я в палате лежу, я больна,
Ох, как много больничных коек.
Нам помогут, иль наша страна,
Отболела и нынче – покойник...

1994

Где же радости этой жизни,
Когда рядом добро и зло,
Где вы, добрые, детские мысли
Ваше время давно прошло.

Я в осенние краски одела
Свое серое бытие,
Вызов сделать себе посмела,
Растоптала счастье свое.

В мою душу закралась осень,
Вместо радости – пустота,
Заплутала средь трех я сосен,
И немая кругом красота.

Я осталась одна, лишь со мною,
Безысходная грусть да тоска,
И не верится в то, что весною
Будет радость при виде ростка.

А пока я живу лишь мгновением,
Или я в летаргическом сне?
И нет силы не плыть по течению,
Но все мысли мои – о весне.

1994

Пусть голос мой уже не так звучит,
Пусть волос припорошен сединою,
Но сердце мое бьется и стучит,
И с ним я не изведу покою.

Знать, не дано мне истину понять,
Что все горящее когда-то догорает,
Хоть дочерью была, а ныне – мать,
И дочь моя уж в куклы не играет.

Пытаюсь я всю жизнь свою бежать,
Я все вдогонку, второпях и наспех,
Я лошадей своих устала гнать,
И суета вся эта – курам на смех.

Я жизни хрупкой каждый миг ценю,
От мира этого я – в упоении,
Что было в прошлом – в памяти храню,
А будущее вижу я – в движении.

1995

Я знаю, это что-то непонятное,
Зовущее куда-то мысли вдруг,
Не скрою, для меня оно приятное,
Родное, словно сердца сладкий стук.

Затянутое нежной дымкою,
Подобно в жаркий полдень ветерку,
Оно вокруг витает невидимкою,
И водит авторучкой по листку,

Оно зовет тебя уединиться,
Зовет любить, мечтать, парить, жалеть,
И красотой жизни восхититься,
И строки на листке тихонько петь.

Оно, чье имя Вдохновение,
Я этим чувством с детства дорожу,
Оно всегда рождает Озарение,
И с ними я в тиши стихи пишу.

1995

Прости, мой Бог, за грусть мою,
Не без причины слезы лью,
Вдруг ощутив конечность бытия,
Тяжелый груз взвалила я.

Из пустоты одной в другую перейти,
Встречая боль, страданья на пути,
Дорога дальняя придумана не мной
В тот мир непознанный и неземной...

Надежды завтрашнего дня,
Теперь их мало у меня,
А мысли забрели в тупик:
Ужель недолог жизни миг?

1997

На земле мне тоскливо и больно,
Я не здесь рождена. Но где?
Знаю лишь, там просторно и вольно,
Где-то там, на моей звезде.

Для чего я свой дом забыла?
Для чего я на грешной земле?
И зачем я твой мир открыла,
И любовь подарил ты мне?

И себя я связала навечно,
Чувством матери, чувством жены,
Лишь звезда на пути, на млечном,
Далека от моей вины.

И зовет она оторваться,
От земных моих дел и бед,
По пути, по млечному мчаться
На ее негасимый свет.

1998

Я хотела бы родиться маленькою птичкой,
Лишь бы маленькой такою – воробьем, синичкою,
Моим домом была бы тайга вековая,
А семьею моею – крылатая стая.

Я была бы вне поля людских интересов,
Вне их хищных силков, ружей и обрезов,
Я не лебедь, не стерх, не глухарь и не утка,
Мне не надо людей опасаться бы жутко.

Я хотела бы родиться маленькою рыбкою,
Лишь бы маленькой такою – чебачком, плотвичкою,
Домом стала бы тогда мне озерная вода,
Опасалась б тогда я лишь от шук пиратства.

Стороной обошла б я людские пристрастья,
Не меня бы ловили рыбацкие снасти,
Не муксун я, не нельма, и даже не щекур,
Ведь от мелкой рыбешки никакого нет проку.

Я хотела бы быть малоценным зверьком,
И без разницы кем: мышкой, крысой, хорьком,
Моим домом была бы родная земля,
И в норе-лабиринте укрылась бы я.

Опасалась бы только лисиц я, да сов,
Нет дверей, нет людей, и не нужен засов,
Только вот ведь беда: я не рыба, не птица,
Я живу на земле в человечьем обличье.

Я живу, но хотела бы снова родиться...

1998

До головокружения вдыхаю
Я аромат черемухи густой.
И от любви мое сердечко тает,
О, чудный миг, не торопись, стой!

И я стою с закрытыми глазами,
Окутанная нежностью извне.
И вряд ли можно выразить словами
Любовь, дарованную мне.

Любовь моя – души моей создание:
Мои надежды, грезы и мечты,
Мои слова, мое признание,
И эти белые черемухи цветы.

Тягуча нега, сладостно блаженство,
Глаза, ладони гладят красоту,
Я все отдам за это совершенство,
За эту неземную чистоту!

1998

Ночь за окном, за окном темнота,
В сердце моем пустота, пустота,
Как же утра мне дождаться скорей,
Солнце, всходи, мою душу согрей!

Ранним лучом ты ко мне прикоснись,
Ласково мне улыбнись, улыбнись,
С нежностью руки к тебе я тяну,
Солнце, всходи, в темноте я тону!

Первым лучом ты меня озари,
Счастье ты мне подари, подари,
Светом осыпь, дай щепотку тепла,
Солнце, всходи, пусть расступится мгла!

1999

Я устала, от чего – не знаю,
Просто вдруг однажды поняла,
Осенью рванувшаяся стая
Силы без остатка отняла.

Поняла и то, что все закаты,
Оставляют в сердце только – грусть,
Грозовые дальние раскаты
Не дают ночами мне заснуть.

Ливни, что шумят ночной порою,
Ветры, что пригнули все к земле,
С ними плачу ночью, с ними вою,
Очень жить тоскливо стало мне.

Где взять силы, чтобы снять усталость,
Радоваться, петь, писать стихи,
Может быть, моя крадется старость,
Может, слышу я ее шаги?

1999

Ночь морозная, звезды в печали,
Лишь луна освещает тот путь,
И олени в упряжке устали,
Им давно бы пора отдохнуть.

Скрип полозьев стремительным звуком,
Дополняется дробью копыт,
Горизонт окружив полукругом,
Он все дальше и дальше манит.

Едет женщина ночью морозной
Из райцентра и почту везет,
Путь искрит, будто россыпью звездной,
Ну а женщина песни поет.

Песни эти о детях и муже,
О былом тоже не умолчит,
Шлет хвалу и морозу, и стуже,
И оленьей упряжке в ночи.

И под звуки вогульской природы
Песни мамы звучат и сейчас,
Их мы, дети, несем через годы,
Ну, а значит, и мама – средь нас.

2000

Золотая осень – желтый цвет,
В яркие наряды лес одет.
Как сибирская мимоза
В брызгах солнечных береза.
Листья желтые играют,
С ветром в танце улетают.
Как огонь в листве горит,
То осинка шелестит,
Листья пурпуром дрожат,
Долго, падая, кружат.
Под кудрями у рябинки,
Кумачовые дробинки,
Как сестренки обнялись,
В гроздья спелые сплелись.
Загрустил прибрежный тал:
Некрасивым что-то стал,
Долго в воду он глядел:
Кто же красок пожалел?

2000

Стая волчья меня окружила –
Перекрыта мне тропа,
Стынет кровь в холодных жилах,
Эх, судьбинушка-судьба.

Не смогла я уберечься,
Тропку выбрала не ту.
Как от жизни не отречься?
В чем спасение найду?

Собралась я и спокойно
Вожаку в глаза гляжу,
Умирать – так уж достойно,
Потому и не дрожу.

Поединок длился долго,
Ветер завывал в кустах,
И занервничали волки,
Не почуяв в жертве страх.

А вожак, клыки оскалив,
Вдруг с моей тропы сошел,
Он мне жизнь за то оставил,
Что не дрогнула душой.

2000

Мое детство было, словно сказка:
Добрая, волшебная пора,
Были радость, и любовь, и ласка,
Жизнь тогда ко мне была добра.

Там была волшебница святая,
Мамою звала святую я,
А она, мне косы заплетая,
Говорила: «Доченька моя».

Руки мамы, теплые, как солнце,
Гладили меня по волосам...
Мама, мама – свет в моем оконце,
Нет конца теперь моим слезам.

Буду помнить радостную сказку,
Добрую, волшебную пору,
Мамы нежность, и любовь, и ласку,
Мама, я тебя боготворю!

2003

Мамы нет уже немало лет,
На столе стоит ее портрет,
Я люблюсь женщиной земной,
Женщиной, дарящей мне покой.

Мама излучает добрый свет,
Взглядом нежным мне дает совет,
Рядом с ней уютно и тепло,
На душе и на сердце светло.

На нее похожей быть хочу,
И ее молитвы я шепчу,
Я молю о здравии детей –
Маленьких утят и лебедей.

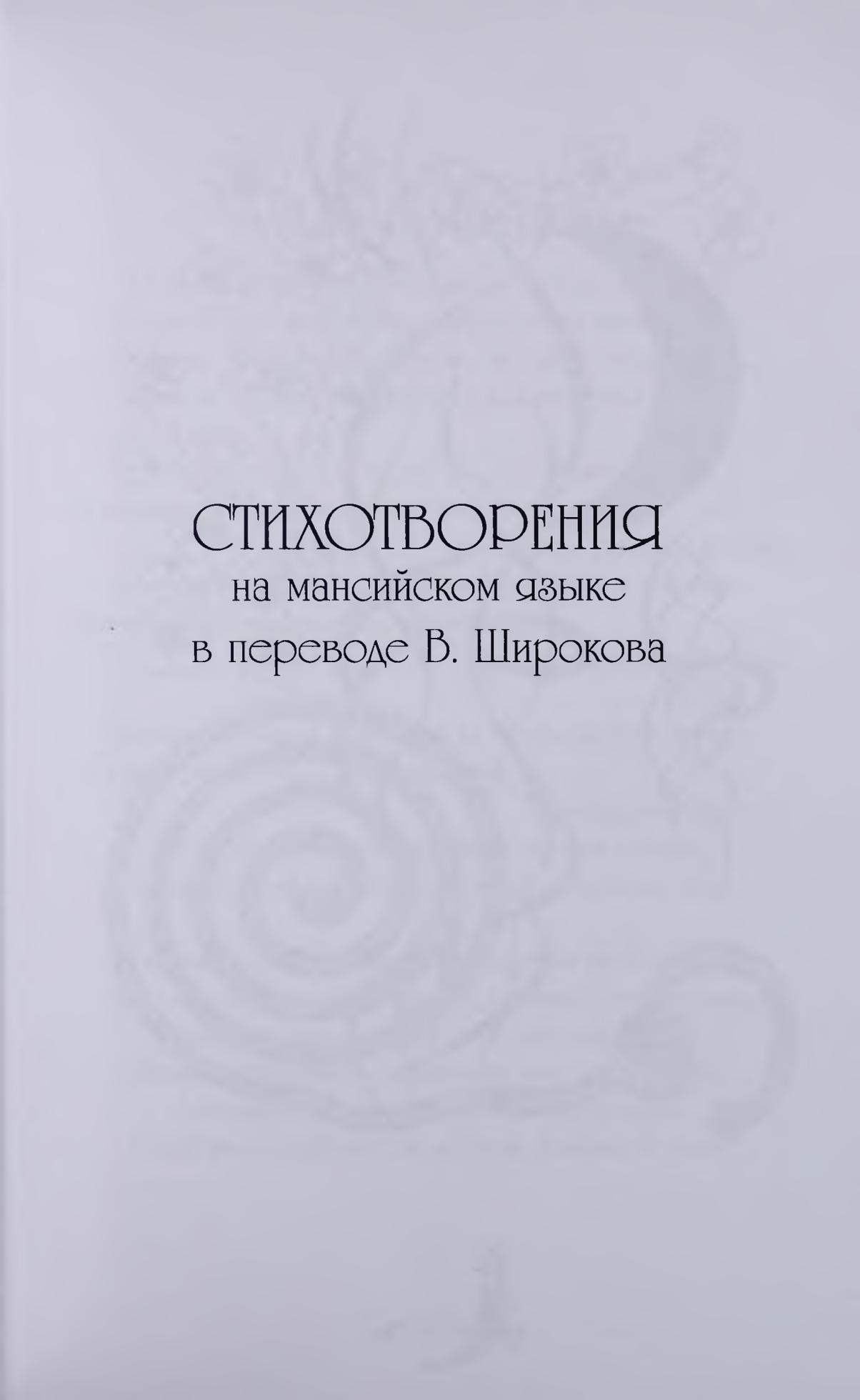
Я прошу у мамы: «Дай мне сил,
Чтобы мир мне был все также мил,
Чтобы я могла узреть красу
Из окошек домика в лесу.

Чтоб как ты, ступала по земле,
Чтобы птицы также пели мне,
Также суетилась бы у костра,
Мирными чтоб были вечера...»

Я люблюсь женщиной земной,
Женщиной, дарящей мне покой.
Преодо мной стоит ее портрет,
И не верю я, что мамы нет.

2010 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ
на мансийском языке
в переводе В. Широкова

ТАТЬЯНА РОМАНОВНА

О маме своей любимой речь доведу до конца,
Начав её всё же словами давнишней песни отца:
«Милой Татьяне Романовне, которую встретил я,
Милой Татьяне Романовне, где же земля твоя?»

Что ж, родила её мама там, где стоит Игрим,
В деревне Межи папа вырастил
на зависть соседям своим,
Девушкой стройной ходила с рассвета и дотемна,
Но старшей родившись, как юноша,
трудилась весь день она.

Немало познала тягот она за прошедшую жизнь,
И свято завет соблюдала простой –
никогда не сердись,
Её любя, беспокойно наши сердца стучат,
Пускай же её согреют слова не забывших чад:

«Мамочка, в сердце тает лёд, если ты близка,
Милая, рядом с тобою текут, словно Сосьва-река,
Самые нужные мысли, а бедам даётся бой,
Важные разговоры приходят вместе с тобой».
Ласковые ладони всё время гладят меня,
Глаза твои улыбаются, доброй надеждой маня:

В далёком посёлке Сосьва я сделала первый вдох,
Здесь же я осознала, что мир не совсем уж плох,
Здесь я шагнула впервые, родных поразила весть,
И крыльями я взмахнула впервые, конечно, здесь.

Славно быть сосьвинской девушкой,
ведь нет прекрасней земли,
Прекрасно, что светлым именем родители нарекли.
Мамины мысли я тоже, созрев, подержу на весу,
Мамины песни выучив, их тоже вдаль понесу.

Татьяны Романовны песни пускай звучат и звучат,
Пускай они всех порадуют, не только её внучат.
Дорога её многолетняя давала песням черёд,
Светлая о ней память в наследниках не умрёт.

С этой верною памятью сейчас мы в трудах живём,
Возле могил родителей слёзы нередко льём,
Сиротами оставшись, да что о том говорить,
Без их поцелуев, страдая, но надобно всё же жить...

Все мамини песни вспомним, лишь оглядим окаём,
Если судьба потребует, все их легко споём,
Татьяна Романовна, мама, прекрасно, что ты жила,
В доме Селиверста Семёновича, где нам достало тепла.

*Лишь однажды после смерти мамы,
Чуть четыре года протекло,
Песню я услышала и, плача,
Ощутила мамино тепло.*

Не осталось вовсе слёз,
Силы тоже не нашлось.
Кто же проклял мой удел,
Кто же поедом доел,
Что покинула ребят,
Бросила гусят-утят.

Грызла боль меня, как пёс,
Уничтожила всерьёз.
Я молилась каждый день,
Сникла-ссохлась, словно тень.
Оказалось, что покинула ребят,
Оказалось. Бросила своих гусят-утят.

Раньше я не нарушала данных слов,
Вообще не совершала я грехов,
Сорни-Най, ты сверху видишь этот край,
О Пресветлая, всё знаешь, не карай,
Ты теперь моих ребят оберегай,
Всех моих гусят-утят ты проверяй.

Я ещё пожить хотела день-другой,
Но, на солнце глядя, изошла слезой,
Иссушила меня жгучая боль,
Не смогла я больше спать, и пить, и есть;
Лишь жалею я оставшихся ребят,
Лишь в словах лелею я гусят-утят.

Зазвучала песня, нету ей конца,
Встрепенулись, посочувствовав, сердца;
Лишь к сновидцам я приду в волшебных снах,
Свой завет последний передав в стихах:
«Пусть никто не пообидит лебедят,
Стережёт, как мать, моих гусят-утят!»

НАША ЖИЗНЬ

Наша жизнь – это капля чистойшей воды,
Мы плывём по широкой реке.
Наша жизнь – как монетка, её за труды
Выдают, погадав по руке.

Наши мысли юлят на делах иногда,
Как ожог запылает ладонь.
Наши деньги журчат как речная вода,
Их сжигает базарный огонь.

Потому-то и множится денег запас,
Каждый хочет роскошнее жить.
Разделили зачем-то заранее нас
На богатых и бедных по лжи.

Колготится напрасно «богатый» народ
И стремится поглубже дышать.
Может, искренне верит, что век не умрёт?
Только ждёт-поджидает «кровать».

О деньгах размышляет и каждый бедняк,
Видит изредка «вещие» сны...
Что ж, когда-нибудь он свой поймает верняк,
Будут денег карманы полны.

А теперь поразмысли, зачем мы живём,
Неужели, чтоб слышать упрёк?
Если – каплей воды, честь зачем продаём?
А – монеткой, так где кошелёк?..

КУРИНЬКА

Только тронут струны санквылтапа,
Женщин тащит в круг кошачья лапа.

Куринька щадить не хочет люд,
Разжигая танцевальный зуд.

Дамы кружатся, сравнив обновку,
Демонстрируя свою обновку.
Нравится им быстро танцевать,
Словно птицы в воздухе, летать.

Кружатся парящие платки,
Кисти распустили ветерки,
Платье каждое, как колокольчик,
Ветер снизу поддувает кончик.

Куриньку танцуют лихо манси,
Радость увеличивая в танце;
Санквылтап, играй сильнее в волнении,
Чтобы женщин показать уменье.

КАК-НИБУДЬ ПРОЖИВЁМ

Раньше люди жили трудно, в чудо веря,
Мы, наверно, так же, веруя, живём.
Но тогда они в тайге ловили зверя,
Мы же с голоду, возможно, пропадём.

В магазинах всё, конечно, продаётся,
Только денег нет порой на хлеб.
Как жить дальше – кто подскажет, кто найдётся
Слёзы вытереть несбывшихся судеб?

Почему жизнь всё тяжёле и тяжёле,
И какой мы совершили грех?
Может, мы чего недоглядели
И носы задрали слишком вверх?

Только Бога мы молить не перестанем,
Стали ниже головы склонять,
Как и прежде, посолонь шагаем,
Сорни Посынг любим умолять.

Ятил Войкан, дай нам жить не хуже,
Только наши мысли успокой,
Сытно только чайкам, что не тужат,
Всё смеются, рея над водой.

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

Ночь по-прежнему темнеет за окном,
Только сердце жить желает светлым днём.

Почему же в сердце только пустота,
Только холод почему сковал уста?

Жить без радости безмерно тяжело,
Кто поможет, чтобы стало вдруг светло?
Может, кто-нибудь протянет руку мне,
Тьму разгонит, уподобившись луне?

Эх, взошло бы солнце, что ли, поскорей,
Прилетело б птицею из-за морей.
Я хочу отныне жить лишь в белом дне,
Свежесть утреннюю чуя в тишине.

Вот блеснул неудержимо солнца луч,
Сердце тоже разогнало стаю туч,
За окном златой сияет ореол,
Наконец-то долгожданный день пришёл.

ОСЕНЬ

Ветви тонкие берёзы
Налетевший ветерок
Рвёт, выкручивая впрок,

Чтобы золотые листья
Подхватить и враз во мгле
Разнести по всей земле.

Шепчет ветерку берёза:
«Листьев мне оставь хоть часть,
Мне без них совсем пропасть.

В них – краса моей всей жизни,
Пусть любуются, пока
Всем видны издалека.

Ведь не зря я хорошела,
Пору осени ждала,
Чтобы радость вдруг прошла.

Захочу – и покружусь,
Захочу – в наклоне грустном
Листья погружу искусно.

Ветер, мне озорничать,
Верь, с тобою так приятно,
Но без листьев как стоять, неопратно?»

Крылатой птицы зоркими глазами
Я на родную землю посмотрю.
Мой самолёт летит без опоздания
В столицу встретить новую зарю.

Змеятся реки, как деревьев корни,
Их воды нескончаемо текут.
И катера летают всё упорней
По глади вод, железом волны мнут.

Я вижу бесконечные селенья,
Их кто-то на столетья основал,
В узор мансийский сложены строенья,
Стрельчатый угол, яблочный овал.

Намотаны в клубок земли дороги,
Их нитки разноцветны и тонки,
Лесов орнамент только взором трогай,
Ведь расстоянья здесь не для руки.

Крылатой птицы зоркими глазами
Я на родную землю посмотрю.
Мой самолёт везёт без опоздания
Из Сосьвы на свидание к Кремлю.

Ворона с чёрными крылами,
С какими зналась ты краями?
На ветке ты сидишь высокой
И каркаешь, зная, одиноко.
Твой громкий голос – тоже средство,
Чтобы порадовать мне сердце?
Я знаю, за морем красиво,
Там разные встречались дивы.
Быть может, слышала ты бубна
Удары, глас шамана трубный?
О чём шаманил, что камланье
Сулило, звонкое посланье?
Я не хочу судьбе перечить,
Но тоже жду с шаманом встречи.
В каком краю хранит он ломик?
Знать, в кедраче запряган домик.
Ворона, укажи мне место,
К нему тропинку, честь по чести.
Хочу услышать бубна битву,
Хочу понять его молитву...
Ворона – чёрный страж печали,
Ну, почему ты замолчала?
Тебя расспросами немало
Неужто вправду испугала?

Динисламова С. С.

МЫ ЕСТЬ...

Стихотворения, рассказы

Корректор Шарова П. С.

Верстка Семенов И. С.

Дизайн обложки Мохтаров М. Р.

Оригинал-макет подготовлен ООО «Доминус»

Подписано в печать 27.12.2011.

Формат 60x84/16. Гарнитура Garamond.

Усл. п. л. 8. Тираж 500 экз. Заказ № 2.

Отпечатано в ИП Шепелев

628012, Ханты-Мансийский автономный округ,

г. Ханты-Мансийск, ул. Крупской, 26

140⁻

048092013

Государственная библиотека Югры

